

ЧЕЛОВЕК

В

Ш
А
Х
М
А
Т
А
Х

Н. КРОГ ИУС

Н. КРОГИУС

ЧЕ
ЛО
ВЕК

В

ШАХ
МА
ТАХ

САРАТОВ
1967

7А9.1

К 83

Крогиус Н.

Человек в шахматах.
[Приволж. кн. изд.], 1967.
172 с.

Саратов,

7А9.1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Крогиус хорошо известен любителям шахмат. Первым его ответственным выступлением было участие в юношеском первенстве РСФСР в 1948 году. С тех пор Н. Крогиус стал гроссмейстером, двукратным чемпионом РСФСР, участником многих первенств Советского Союза и международных соревнований.

Хочется отметить и другое: из поколения советских шахматистов, получивших известность в пятидесятых годах, многие активно выступают ныне в различных турнирах, но сравнительно редко пробуют свои силы в литературном творчестве. Н. Крогиус подал добрый пример нашим гроссмейстерам и мастерам, тем более, что написанная им книга получилась содержательной и интересной.

Автор не пошел по традиционному пути шахматной литературы, заключающемуся в конкретном анализе позиций дебюта, середины игры и эндшпиля, а попытался осветить проблемы современных шахмат с точки зрения психологии человека.

Значение психологии в шахматной борьбе трудно переоценить. Ведь не только знания, но и характер, внимание и воля, а подчас то или иное настроение шахматиста определяют результат партии, ее художественную ценность. А такие явления, как цейтнот, ошибка, зевок, — разве не встречаются они чуть ли не в каждой партии? Однако еще очень

мало сказано, что же они представляют собой, как их избежать или перебороть.

Н. Крогиус ставит эти важные актуальные вопросы и намечает пути их решения со знанием дела. Это не удивительно, так как автор не только знаток шахматного дела: он является научным работником в области психологии.

Естественно, каждое новое дело сложно, по поводу ряда высказанных в книге положений можно поспорить. Но не следует требовать от книги невозможного. Она ведет с читателем серьезный, пусть еще не оконченный разговор о том, как мыслит шахматист за доской, как он переживает свои успехи и неудачи и борется с ошибками. И в этом достоинство и привлекательность работы Н. Крогиуса.

Думаю, что многочисленные любители шахмат самой различной спортивной квалификации и турнирного стажа с интересом прочтут эту книгу и не раз задумаются о своих шахматных исканиях, радостях и разочарованиях.

Становление шахматиста, его совершенствование в шахматном искусстве — путь нелегкий и тернистый. Мне кажется, что книга Н. Крогиуса будет полезным помощником нашим шахматистам в росте их мастерства. О человеке в шахматах давно пора начать говорить — право, он этого заслужил!

*Б. Спасский,
международный гроссмейстер*

Это книга о шахматах. Но читатель напрасно будет искать в ней традиционный разбор комбинаций или анализ дебютных вариантов. Мне хотелось рассказать о тех, кто создает комбинации и проводит анализы, — о людях, играющих в шахматы.

Говорят, что в период подготовки к матчу на мировое первенство с М. Ботвинником Д. Бронштейн повесил на стену своей комнаты портрет чемпиона мира. Такое, может быть и весьма своеобразное, средство тренировки лишний раз указывает на то, какое важное значение придают знатоки всестороннему (а не только чисто шахматному) изучению будущего противника. Ведь успехи и неудачи шахматиста определяются не одними знаниями и турнирным опытом, но и выдержкой, настойчивостью, самокритичностью и многими другими качествами. Поэтому предлагаем читателю познакомиться с рядом вопросов психологической подготовки шахматиста.

Это еще мало исследованная область шахматного творчества, хотя ее значение для практики трудно переоценить. Я не ставил задачей дать исчерпывающий анализ психологической под-

готовки, а стремился обратить внимание любителей шахмат на узловые моменты этой проблемы. Основная цель книги — постараться приоткрыть занавес над новыми вопросами и показать, как борется, волнуется, думает, сомневается, а порой и ошибается шахматист.

Возможно, что некоторые положения покажутся спорными. Это естественно. Ведь речь идет о сложном предмете — психологии человека, и во многих вопросах еще рано ставить точку.

И если мысли, высказанные в книге, побудят читателя задуматься о собственном творчестве, критически посмотреть на причины побед и поражений, — это будет лучшей оценкой труда автора.

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ

Сейчас ссылки на психологию нередко можно встретить в шахматной литературе. Выражение «психологический подход» стало модным в обиходе и умудренных опытом тренеров и только вступающих на скользкий шахматный лед юниоров. Дань этой науке ныне, казалось бы, отдают все, но в шахматной практике она применяется еще весьма своеобразно.

Порой создается впечатление, что на древе психологических знаний немилосердно рубятся ветви, мешающие поверхностному взгляду обозреть ствол, и в результате на поверку остается лишь обнаженный обрубок, так же мало напоминающий психологическую науку, как обструганная доска — живое дерево.

На одном из проявлений такого хирургического подхода хотелось бы остановиться подробнее.

Как известно, шахматы не знают межсезонья. В любой день года тысячи шахматистов состязаются на многочисленных турнирах, проводящихся чуть ли не во всех уголках земного шара. И каждый участник этих самых различных по значению и квалификации баталий мечтает выиграть оче-

редную партию, озадачить и запутать соперника.

Обдумывая план предстоящей битвы, кто из шахматистов не слышал доброжелательного совета товарища, высказанного примерно так: «Ты ведь играешь с А. Не забудь, он хорошо атакует и куда хуже проводит эндшпиль: меняй фигуры, переходи в окончание — и успех обеспечен». Такой рецепт, услышанный из уст коллеги или возникающий как вывод из собственных рассуждений, сладким туманом убаюкивает сознание. Кажется, что ключ подобран и остается совсем нехитрое дело: какие-нибудь несложные маневры, пара разменов где-то после дебюта — и очко в таблице есть.

Но в действительности все оказывается не таким простым. Выясняется, что волшебный призыв «сезам, откройся» не действует, и вместо запланированного прессинга партнера сам неожиданно попадаешь в тиски, а «слабый в эндшпиле» противник довольно уверенно побеждает в окончании.

Вот так психологический подход, окончившийся катастрофой!

Впрочем, будем справедливы. Психология тут ни при чем, виноват сам шахматист, обративший внимание лишь на одну сторону подготовки — изучение стиля соперника — и совершенно позабывший о своих собственных вкусах, знаниях, привычках в шахматном творчестве.

Попытка исходить в своих планах только из особенностей игры противника большей частью оборачивается бедой. Как-то А. Алехин отметил,

что для успеха шахматиста необходимо, во-первых, понимание своей силы и слабости и, лишь во-вторых, знание силы и слабости партнера. Это принципиальное положение о подготовке к партии, к сожалению, многими забывается.

Нередко тренировка даже очень сильных шахматистов сводится лишь к критическому разбору игры противника.

Мне вспоминаются собрания команды Российской Федерации, за которую я выступаю уже более десяти лет. Как часто наши тренеры призывали: «Противник слаб в обороне, поэтому не медлите, нападайте, атакуйте, рвитесь вперед, и победа будет за вами». А то, что кое-кто из нас слабее в атаке, не очень-то ретив в наступлении, забывалось в потоке воодушевляющих фраз. Мы, следуя указаниям тренера, смело двигали свои фигуры только вперед и... потом нередко с ужасом убеждались, как далеко мы перешагнули грань разумного.

Однажды наш наставник с торжеством обратился к одному из мастеров: «Я нашел лучшее средство против вашего партнера. Он совершенно не выносит атаки Созина в сицилианской защите». — «Да, но я не играю 1. e2 — e4», — робко ответил мастер. — «Это не имеет значения — сейчас мы подготовимся», — раздалось авторитетное возражение. После часовой прикидки бедный маэстро отправился, чуть ли не впервые в своей турнирной практике, делать ход 1. e2 — e4. Наказание пришло довольно быстро. Соперник ответил «неожиданно» 1. ...e7 — e6, и мало знакомый с

французскими позициями наш злополучный «охотник» потерпел поражение, а команда недооценилась важного очка.

Но, как говорится, опыт — лучший учитель, и в последнее время команда РСФСР изменила стиль своих тренировок.

Все же представление о психологической подготовке только как об изучении особенностей игры противника еще бытует. Не будем аргументировать нашу критику подобных взглядов лишь общими рассуждениями. Обратимся к примерам из практики соревнований.

В 1957 году я впервые выступил в международном турнире. Это было в румынском городе Плоешти. Среди участников привлекал внимание Ион Баланель из Бухареста. Он производил впечатление широко образованного, общительного и в то же время исключительно тактичного, скромного человека.

Немало часов провели мы с ним за анализом самых разнообразных позиций, и никогда румынский мастер не пытался навязать своего мнения, а старался убедительно доказать его, непременно обращаясь к собеседнику со словами: «Как вы считаете, что нужно делать в этом положении?»

В турнире играл Баланель превосходно: логично, выдержанно, обоснованно. (Впоследствии я с сожалением узнал, что тяжелая болезнь заставила его вскоре полностью оставить шахматы.)

Наша встреча состоялась в четвертом туре. К этому моменту у Баланеля было 3 очка, а у ме-

ня — $2\frac{1}{2}$. Мне хотелось дать настоящий бой лидеру турнира, и, готовясь к предстоящей партии, я принял во внимание, что он тяготеет к позиционной манере игры. Поэтому я без особых колебаний решил избрать гамбитное продолжение испанской партии, известное под названием варианта Яниша. В этом начале черные идут на жертву одной или двух пешек ради скорейшей организации атаки. Мне казалось, что подобный характер борьбы будет неприятен моему противнику. Вариант Яниша был модным в то время. Я еще находился под впечатлением успешного применения А. Толушем этой системы в недавно прошедшем XXIV чемпионате Советского Союза.

Итак, перед встречей я был доволен выбором: предстоящее рискованное предприятие казалось мне совсем не опасным, и жертвы пешек светились бодрым, радужным фейерверком.

Однако, оценивая несколько серьезнее и объективнее проведенную мною подготовку, нетрудно было заметить, что облюбованная А. Толушем система, где игра идет по правилу «пан или пропал», совершенно не соответствовала моему стилю. Но я тогда об этом не задумывался и безгранично верил в тезис: «Что неприятно партнеру, то хорошо для меня». В партии же вскоре выяснилось, что яд «отравленного» варианта подействовал на меня значительно сильнее. Я не смог удовлетворительно разобраться в чуждом мне по духу характере возникшей борьбы и потерпел заслуженное поражение.

Посмотрим, как проходила эта встреча.

Испанская партия

И. Баланель — Н. Крогиус

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 f5 4. Kc3 Kd4.

Не считаясь с угрозами пешкам e5 и f5, черные стремятся скорее рокировать и начать наступление в центре и на королевском фланге.

5. Ca4!

Пока препятствуя движению черной пешки d. В случае 5. Cc4 возможно 5. ...d6 6. d3 Kf6 7. 0—0 K : f3+8. Ф : f3 f4 с хорошими шансами для черных.

5. ...Kf6 6. 0—0.

Это значительно сильнее, чем 6. ef Cc5 7. d3 0—0 8. 0—0 d5 с перспективной игрой у черных, как было в партии И. Болеславский — А. Толуш на XXIV первенстве СССР.

6. ...Cc5 7. K : e5 b5.

Здесь я пожалел о дебютном эксперименте. Поскольку 7. ...fe плохо ввиду 8. K : e4, а рокироваться было страшно из-за 8. Kd3 и e5, я не нашел другого хода, кроме b5. Впрочем, это и не случайно. Ведь, кроме трех-четырех партий А. Толуша, я ничего не знал о возникшей позиции. У меня были поверхностные сведения об отдельных ходах и отсутствовало подлинное понимание идейной сущности положения. Немудрено, что, столкнувшись с незнакомым продолжением 6. 0—0, я стал считать пешки и рассуждать об отвлеченных позиционных принципах, в большинстве случаев полезных, но не приемлемых именно в данной

ситуации, где все определяет темп, фактор времени. После избранного мною седьмого хода черные как бы расписываются в своей несостоятельности, и их позиция медленно, но верно движется под откос. А ведь еще не поздно было предпринять экстренные меры. Примером тому служит партия К. Леман — Б. Спасский (первенство Европы, 1957 год), в которой последовало 7. ...0—0!?

8. Kd3 fe 9. Kc5 d5. Черные пожертвовали фигуру, но имеют перевес в развитии и определенные шансы на королевском фланге. Несмотря на спорный характер, идея Б. Спасского логично связана с предшествующей игрой и дает новую жизнь позиции, которая в нашей партии с И. Баланелем была умерщвлена компромиссным 7. ...b5. Далее последовало:

8.К : b5 fe 9.с3 К : b5 10.С : b5 0—0 11.d4 ed
12.Ф : d3 Фе7 13.Се3! Cd6 14.f4 Сb7 15. Лаe1
С : e5 16.fe Ф : e5.

Белые отдали назад свою лишнюю пешку, получив за нее решающее позиционное преимущество, заключающееся в силе двух слонов.

17. Cd4 Фg5 18. Сс4+! d5 19. Сb3 Kd7
20. Сс2 g6 21. Фh3 Л : f1 + 22.Л : f1 Kf8 23. Cf6
Фh5 24. Фе3 Фg4 25. Фh6 Фd7 26. h3 Ca6 27. Ca4!
Фf7 28. Сс6 Лd8 29.Лf2 Лd6 30. Се5 Л : с6
31.Л : f7 Кр : f7 32. С : с7. Черные сдались.

В конце 1962 года в Ереване проводился XXX чемпионат СССР. Страсти болельщиков-южан кипели, пожалуй, не меньше, чем на футбольных поединках. Их кумиром был Михаил Таль. Действительно, его волнующая, рискованная и бога-

ая неожиданностями игра так импонировала темпераменту ереванских зрителей. Борьба за лидерство шла главным образом между М. Талем и ленинградцем В. Корчным.

В середине турнира мне выпал жребий черными играть против М. Таля. Естественно, голова перед этой встречей была полна забот. Надо было сразиться с Талем, да еще черными фигурами. А ведь известно, что белыми он творит с удвоенной энергией и силой. Я отлично понимал, что на следующий день предстоит схватка не на жизнь, а на смерть.

Я представил себе набитый до отказа зрительный зал, каждый человек в котором, как зачарованный, смотрит и восторгается любым активным ходом моего соперника, представил самого экс-чемпиона мира, воодушевленного вниманием болельщиков и верой в свою волю и комбинационную звезду.

И у меня постепенно созрело решение: необходимо во что бы то ни стало вырвать инициативу из рук Таля, надо заставить его защищаться и тем самым поставить рижанина в необычную психологическую обстановку, где не он диктует условия боя.

Но от такого общего вывода до конкретных шахматных ходов, как понимает читатель, путь не близкий. Передо мной встал новый, уже вполне определенный вопрос: какой дебютный вариант избрать? Тут мне вспомнился недавний разговор с тренером М. Таля Александром Кобленцем, который обмолвился, что как-то рижанин

долго колебался перед встречей с венгерским гроссмейстером Л. Сабо, опасаясь атаки Маршалла в испанской партии. Это натолкнуло меня на мысль применить указанную систему. Как утверждала теория тех лет, атака Маршалла представляла не совсем корректный (ведь черные жертвуют пешку), но сложный и мало исследованный вариант, где за приобретенную пешку белые должны выдержать длительный штурм противника. Атака Маршалла пару раз уже встречалась в моей практике, и, немного осветив в памяти некоторые особенности этого продолжения, я спокойно заснул. Решение было принято!

А вот как развивались события на следующий день.

Испанская партия

М. Таль — Н. Крогиус

1.e4 e5 2.Kf3 Kc6 3.Cb5 a6 4.Ca4 Kf6 5.0—0 Ce7
6.Le1 b5 7.Cb3 0—0 8.c3 d5.

Здесь мой соперник задумался. Мне показалось, что какая-то тень недовольствия пробежала по его лицу. Следующие десять ходов М. Таль делал в сравнительно медленном темпе, внимательно изучая позицию на доске. Он меньше, чем обычно, отходил от столика во время моего хода.

9.ed K : d5 10.K : e5 K : e5 11.L : e5 c6 12.d4
Cd6 13.Le1 Фh4 14.g3 Фh3 15.Ce3 Cg4 16.Фd3
Лае8 17.Kd2 Ле6 18.C : d5 cd 19.a4.

После этого хода М. Таль характерным для

него испытующим взглядом посмотрел на меня. Я не придал в тот момент этому какого-либо значения.

19. ...b4?

Серьезная ошибка. Я начал взвешивать позиционные минусы вторжения ладьи белых по линии «а» ввиду грозящего ab. Как показали последующие анализы, у черных имелись другие, более отвечающие духу положения энергичные пути: 19. ...ba и 19. ...f5.

20.Фf1 Фh5 21.c4 dc 22.Ф : c4 g5 23.d5!

На протяжении нескольких последних ходов (после 19. ...b4) совершенно изменились и позиция (теперь наступают белые) и внешний вид моего партнера. Казалось, какой-то чудодейственный эликсир преобразил его. Он смотрел спокойнее, тверже и, может быть, если я не ошибаюсь, чуть торжествующе.

23. ...Лh6 24.h4.

Перевес белых очевиден. Например, на 24. ...gh может последовать 25.С : h6 hg 26.fg С : g3 27.Кf1. Вскоре они красиво выиграли.

И все же, несмотря на поражение, этой партией я был доволен. Мне казалось, что в известной степени правильно была намечена проблема психологической подготовки.

С другой стороны, встреча в Ереване подсказывала, что даже верная характеристика соперника — еще отнюдь не пол-очка. При подготовке я как следует не понял, в какое бурное плавание мне предстоит пуститься, не знал толком мелей и рифов (то бишь теоретических вариантов

маршалловского гамбита), подстерегающих меня на опасном пути, и поэтому принял опрометчивое решение «лезть в воду, не зная броду».

Как видит читатель, порой важно не только наблюдать за другими, но и оглядываться на себя.

Убедиться в том, что это не мелочь, мне помог случай. Во время совместной работы с гроссмейстером Ю. Авербахом я заметил в его картотеке, наряду с объемистыми папками, содержащими характеристики и партии гроссмейстеров М. Тайманова, В. Смыслова и других его частых партнеров, досье с надписью: «Ю. Л. Авербах».

С удивлением я рассматривал этот необычный «автопортрет», состоящий из сотен партий и комментариев. Заметив мое недоумение, Ю. Авербах высказал свои соображения о том, что соперники тоже готовятся к встречам с ним, изучают особенности его стиля, излюбленные им дебютные схемы. Поэтому очень полезно посмотреть на себя как бы со стороны. Это, во-первых, помогает лучше распознать ход мыслей противника, а во-вторых, позволит по-настоящему критически отнестись к собственному творчеству, лучше понять свои ошибки и недостатки.

После этого разговора я по-новому стал оценивать многие вопросы подготовки шахматиста.

Здесь хочется сказать несколько слов о проблеме формирования шахматиста вообще. Общепризнанна роль шахматной литературы, учебных занятий, лекций, тренировочных сборов и сеансов одновременной игры. Я не пытаюсь оспари-

вать их значения. Но есть еще одна сторона получения шахматного опыта, которую не измеришь обычной меркой. Это общение с более сильными шахматистами, их живое слово, мнение, оценка.

Конечно, не всегда в процессе общения gostеприимно приоткрывается дверь в мир переживаний и мыслей вашего собеседника. Но как интересно и полезно бывает услышать рассуждения о психологической подоплеке принятого решения, наблюдать за настроением шахматиста! Такого ни в одном справочнике не сыщешь.

Мне в этом отношении повезло. Я многому научился у Ю. Авербаха. Даваемые им характеристики, описания борьбы, а подчас и просто вскользь брошенное слово, наверное, сыграли в развитии моего шахматного кругозора роль не менее значительную, чем штудирование учебников.

Однако вернемся к нашему разговору. По-видимому, основой плана предстоящего шахматного сражения должен быть всесторонний анализ собственных возможностей, своих сильных и слабых сторон. Сообразуясь с ними, можно успешно пытаться использовать слабые места в игре соперника.

Эти положения легли в основу моей тренерской работы и подготовки к турнирным выступлениям за последние годы.

Важное значение имела для меня встреча с венгерским гроссмейстером Г. Барца в международном турнире памяти М. И. Чигорина в Сочи в 1964 году. К тому туру я возглавлял лидирую-

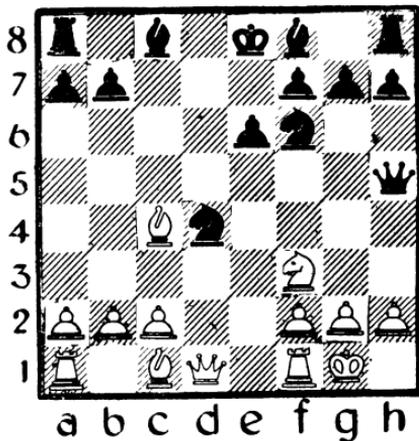
щую группу участников и питал надежды выполнить норму для получения звания гроссмейстера. Многие зависело от исхода партии с Г. Барца, который издавна славился «железобетонным», непробиваемым стилем игры.

Французская защита

Н. Крогиус — Г. Барца

1.d4 e6 2.e4 d5 3.Kd2 c5.

Я почти не применял популярное 3.Кс3. Поэтому в такой ответственной встрече решил остановиться на испробованном мною не раз 3.Kd2, хотя современная теория считает этот вариант сравнительно безопасным для черных.

4.ed Ф : d5 5.Kgf3 cd 6.Сс4 Фh5? 7.0—0 Кс6 8.Кb3 Кf6 9.Кb : d4 К : d4 (см. диаграмму).

Какой фигурой теперь взять неприятельского коня? Заманчиво выглядят оба пути. После 10.Ф : d4 Сс5 11.Сb5 + Кре7 12.Фс3! у белых сильные угрозы; например, брать пешку 12. ... С:f2+ 13. Л:f2

Ф : b5 опасно из-за 14. Фа3 + или 14.Ке5. В случае 10.К : d4 Ф : d1 11.Л : d1 у черных труд-

ное окончание. Казалось бы, против строго позиционного стиля венгра больше обещает первый путь. Я надолго задумался над очередным ходом. И не конкретные варианты занимали главное место в мыслях, а общие соображения выбора. В конце концов я решил пойти на размен ферзей. Я, конечно, понимал, что техника защиты, особенно в эндшпиле, у Г. Барца очень высока, но для меня самого это окончание с хорошими возможностями давления на ферзевом фланге было явно больше по душе, чем другие варианты. В дальнейшем я не раскаивался в избранном методе борьбы.

10.K : d4 Ф : d1 11.Л : d1 а6 12.Ce2 Ce7 13.Cf3 0—0 14. Cf4 Лd8 15. с4 Ке8 16. Кс6!?

Может быть, сильнее спокойное 16.Лаc1 с угрозой движения пешки «с»:

16. ...Л : d1+ 17.Л : d1 bc 18.C : c6 e5 19.C : e5 Cg4 20.Лd4! Лс8 21.C : e8 Ce6 22.Cd7 Лс5 23.Cd6 C : d6 24.Л : d6 Л : c4 25.Кpf1 Лc1+ 26.Кре2 C : a2?

Необходимо было 26. ...Лс2+ 27.Кре3 Л : b2 28.C : e6 fe 29.Л : а6 Кpf7 с неплохими возможностями защиты у черных.

27.Л : а6! Cd5 28.Лd6 Ca2 29.Лс6 Л : c6 30.C : c6 Кpf8 31. Кpd3 Кре7 32. Кpd4 Кpd6 33.Cb5 Cd5 34.g3 Cf3 35.Cd3 h6 36.Ce4 Cg4 37.Cd5 t6 38.h4 g5 39.b4 Cd7 40.Cc4 Cg4 41.b5, и белые вскоре выиграли.

На диаграмме (стр. 21) — позиция из партии Т. Петросян — Г. Голомбек (межзональный турнир в Стокгольме, 1952 год). Предоставим слово

Т. Петросяну: «Теперь, после 15.Ф:e4, черным пришлось бы решиться на мало привлекательное 15...g6, так как еще хуже 15...f5 16.Фe2 cd 17.Сс4 Лаe8 18.К:d4 с ясным преимуществом у белых». Последовало, однако,

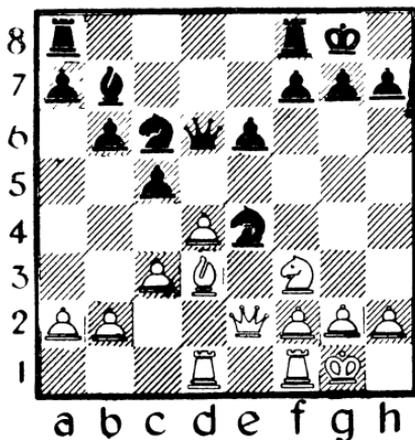
15.С:e4.

По этому поводу будущий чемпион мира писал: «Этот ход также дает белым маленькое, но весьма ощутимое преимущество. Черные вынуждаются к ослаблению ферзевого фланга».

Иными словами, из двух примерно равноценных продолжений, первое из которых претендует на многое, но связано и с риском потерять пере-

вес, так как положение еще не совсем определено, еще таит в себе некоторую долю «иррационального», Т. Петросян выбрал второе, более соответствующее его психологическим установкам: пусть лучше маленькое, но зато длительное, верное преимущество. Интересно дальше проследить за течением этой партии. Оказавшись в «своей» позиции, Т. Петросян чувствовал себя как рыба в воде и очень тонко реализовал минимальный перевес:

15...Фe7 16.dc bc 17.Лd2 Лfd8 18.Лfd1 Л:d2

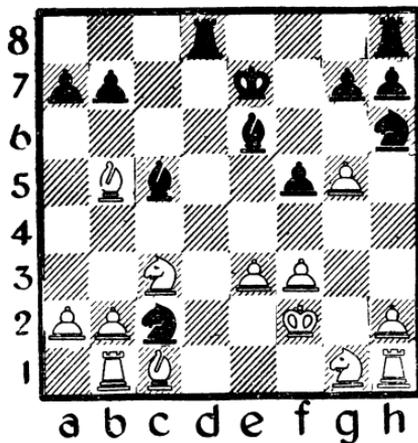
19.Л : d2 Лd8 20.Л : d8 Ф : d8 21.g3.

Игра белых построена на использовании слабости пешки с5.

21...g6 22.Фe3 Фd1+ 23.Кpg2 Фd6 24.Kd2 Ка5 25.С : b7 К : b7 26.Ke4 Фе7? 27.h4 Кpg7 28.c4 а5 29.Фс3+ f6 30.b3 е5 31.Фe3 Фс7 32.Фd3 Фс6 33.Фd5 Ф : d5 34.cd Кpf7 35.Kd2 f5 36.Кс4 Кpf6 37.f3 e4 38.fe fe 39.g4 h5 40.Кpg3 hg, и черные сдались.

В приведенных выше примерах критериям ясности и определенности в выборе плана отдавалось явное предпочтение.

Но пусть не подумает читатель, что только к такому подходу его призывают. Просто авторы решений в этих ситуациях шли туда, где чувствовали себя сильнее. Они действовали сообразно своему стилю. А то, что в шахматном творчестве принимаются и иные, порой отходящие от классических принципов решения, иллюстрирует партия И. Кэждэн — С. Тартаковер из турнира 1931 года в Блде (см. диаграмму).

Эта веселая позиция создалась после пятнадцатого хода И. Кэждэна. Здесь напрашивается спокойное 15. ...Кf7 16.Кh3 h6 17.g6 Ke5 18.Kf4 Кpf6, и черные сохраняют достаточное давление

за пешку. Однако С. Тартаковер избрал иной путь. Он неожиданно сыграл, жертвуя еще фигуру:

15. ...f4?!

Впрочем, ничего необъяснимого и сверхъестественного в этом нет. И, на наш взгляд, это вполне нормальный, даже, можно сказать, прозаический выбор со стороны С. Тартаковера. Он совершенно сознательно пошел на конкретную тактическую борьбу, ибо в ней он лучше ориентировался и обычно предпочитал ее позиционному маневрированию. Конечно, в ходе 15. ...f4 проявились и характерные для С. Тартаковера смелость и уверенность, так как ничего определенного рассчитать в этом положении не представлялось возможным.

Далее в партии последовало:

16.gh fe+ 17.Kpf1 gh 18.b3 Лhg8 19.Лb2 Ка3
20.Сс4 К:c4 21.bc С:c4+ 22.Кge2? b5! 23.Кpe1
Сb6! 24.Лg1 Л:g1+ 25.К:g1 Са5 26. Кge2 Лd3
27. Лс2 b4 28.Cb2 bc 29.С:c3 С:c3+ 30.Л:c3 Л:c3
31.К:c3 Креб 32. Кd1 С:a2, и у черных выигранное положение.

Смелость и, главное, умение играть в подобных головоломных положениях принесли С. Тартакову заслуженную награду.

Казалось бы, можно подводить резюме. Но... все же точку ставить еще рано. И совет: «Играй такие позиции, в которых чувствуешь себя сильнее» — нельзя абсолютизировать. Ведь оценка собственной силы и слабости достаточно субъективна и не всегда верна. Да и шахматиста нель-

зя сравнивать с эталоном надолго утвержденного стандарта. Каждый новый турнир, а порой и отдельная партия обогащают его опыт, расширяют шахматный кругозор. Постепенно шлифуется, совершенствуется стиль его игры, изменяется и понимание собственного творчества. Поэтому ниже мы остановимся на некоторых вопросах самостоятельной работы шахматиста, нацеленной на изучение и устранение своих ошибок и недостатков.

ПОД РЕНТГЕНОВСКИМ ЛУЧОМ

Как же лучше организовать критическое исследование своей игры? На каких способах анализа остановиться? Практика показывает, что это, пожалуй, одна из труднейших проблем, стоящих на пути совершенствования шахматиста.

Известно, что чужие недостатки и промахи видеть легче, чем свои. А понять собственные недочеты и суметь устранить их оказывается делом куда более сложным.

Пока о методике «самопрограммирования» шахматистов написано еще мало. Поэтому не станем пытаться объять необъятное, а рассмотрим несколько частных вопросов, важных для методики занятий.

Вот, к примеру, один из них. Хорошо известно, что шахматы — во многом книжный вид спорта. Значительную часть тренировочного времени шахматиста занимает самостоятельное штудирование учебников, турнирных сборников, журналов и

других печатных материалов. Поэтому немало важно умение читать шахматную литературу с большим коэффициентом полезного действия.

Однако в жизни мы нередко сталкиваемся с таким явлением: мастер, получив очередной номер шахматного издания, ограничивается лишь беглым просмотром содержания, в лучшем случае «пробивая» на доске в темпе блица напечатанные партии.

Известная истина «лучше меньше, да лучше» будет хорошим возражением сторонникам подобного метода. Мы полагаем, что просмотр литературы может быть исходным пунктом тренировочной работы, но отнюдь не завершающим.

Психология рассматривает два вида внимания — эмоциональное и волевое: в первом случае сосредоточение возникает в силу занимательности предмета, его внешних особенностей, новизны, а во втором мысль концентрируется, работает продуктивнее в рамках определенной, заранее намеченной цели. Лучшие результаты получаются, когда оба вида внимания взаимодействуют, помогают друг другу.

Это означает, что общий обзор партий новой книжки, журнала — отнюдь не заключительная часть серьезной работы, а лишь ее начало. По-видимому, после процесса ознакомления необходимо выделить для подробного анализа наиболее важные для собственного дебютного репертуара партии, а также не забыть изучить примеры творчества будущих противников, классифицировать эти примеры и приступить ко второму, основ-

ному звену подготовки — подробному разбору материала.

Думается, что ограничиваться только беглым просмотром шахматной литературы — это даже еще не полдела.

Далее, известным постулатом является утверждение о необходимости изучения своего творчества. Действительно, собственные партии — это бесценные свидетели, правдиво и точно сообщающие, что и как творил своей рукой.

В известной мере указанное правило соблюдается всеми. Но в какой мере? Чаще всего после окончания встречи противники, по существующей традиции, разбирают подробности сражения. Порой самому себе тут же адресуются благие пожелания, что, мол, надо обязательно после турнира засесть за анализ проведенных партий, но до выполнения намеченного дело доходит редко.

Конечно, не стоит подвергать сомнению пользе от немедленного разбора партии, сразу же после ее окончания. Но нельзя и забывать, что в подобной ситуации шахматист еще не остыл от впечатлений и переживаний недавней борьбы и поэтому мнения его бывают излишне субъективны и часто неверны.

Мы полагаем, что так же, как писателю справедливо советуют дать отлежаться написанной рукописи, чтобы отвлечься от обуревающих его в этот момент чувств и настроений и беспристрастнее взглянуть на свой труд, так и шахматисту необходимо время, чтобы забыть радости и неудачи

турнира, и полезнее вернуться к анализу собственных партий спустя некоторый срок, допустим, месяц-полтора. Ведь свежие раны тогда зарубцуются, и не придется каждый раз прибегать к успокоительному бальзаму.

Такой неторопливый анализ в «кабинетной тиши», наверное, лучше поможет понять, где промедлил шахматный полководец и когда он поспешил, отмерив лишь один раз вместо рекомендуемых семи.

Несомненно, заглянуть в кабинет для разбора одной-двух своих партий явно недостаточно. Такой анализ должен вестись систематически, как по хорошему расписанию: турнир закончился, подождали, пришли в себя — и пешки вам в руку, пора за работу. Никакие ссылки на «нелетную погоду» здесь в оправдание приниматься не могут.

По своему опыту скажу, что при разборе важнее всего докопаться до истины, постараться получить точное мнение, почему тот или иной план, маневр хорош или плох.

Помню, как две недели я заканчивал и затем вновь возвращался к рассмотрению своей партии с В. Корчным из XXVII первенства СССР. В какой-то момент казалось, что наконец-то все ясно, но вот возникали новые идеи, порой даже во сне мелькали другие заманчивые расстановки фигур — и поиски продолжались.

Это адская работа: проверять, сравнивать, опять убеждаться, что был не прав, и снова думать, искать. Но, поверьте, иного пути нет. Как

и все в жизни, шахматные победы добываются трудом и терпением.

И вот так, тысячи раз отмерив и тысячи раз взвесив, шахматист постепенно убеждается, что неприятные ранее позиции вдруг стало играть одно удовольствие, а в незнакомом когда-то дебюте он уже ориентируется не хуже других.

В продолжение нашего разговора интересно остановиться на статье А. Котова «О совершенствовании шахматиста», опубликованной в 1939 году в журнале «Шахматы в СССР».

На основании подробного разбора многих собственных партий А. Котов пришел к выводу, что главными недостатками его творчества являются: а) чрезмерная абстрактность мышления, преклонение перед общими принципами, что выражалось в игнорировании тактических моментов; б) слабая техника расчета вариантов, вызывавшая большую затрату времени на обдумывание и, как следствие этого, цейтноты.

Естественно, что подобная самокритика предполагала следующим шагом конкретную работу над искоренением недостатков. Поучительно, как А. Котов попытался решить эту проблему.

Он начал анализировать позиции, насыщенные большими тактическими осложнениями. Причем стремился не передвигать при обдумывании фигуры на доске. Это создавало обстановку, похожую на турнирную борьбу.

А. Котов наметил следующие конкретные задачи в работе.

Во-первых, он стремился развить умение рас-

считывать варианты как можно дальше, поэтому анализ каждого из вариантов он решил не прекращать до полного прояснения позиции. Приведенные автором статьи примеры показывают, что таким способом можно добиться поразительных результатов.

Для совершенствования техники расчета полезными приемами могут оказаться, как писал А. Котов, решение этюдов по диаграммам без расстановки фигур на доске, а также «слепой» анализ — чтение шахматной литературы с листа.

Эти советы А. Котова очень интересны, так как чуть ли не впервые в печати им были приоткрыты двери в творческую лабораторию мастера и рассказано довольно подробно, какими именно конкретными вещами занимается шахматист в самостоятельной работе.

Следует также подчеркнуть важный психологический момент, на который обратил особое внимание А. Котов. Это стремление к нахождению возможно более четкого вывода по оценке позиции в результате расчета. Благодаря такой тренировке шахматист лишней раз готовит себя и в турнирных боях избегать прикидки только на глазок.

Во-вторых, А. Котов старался развить у себя тактическую интуицию, то есть чутье на то, какие варианты из большого числа возможных нужно рассматривать, а какие следует отбросить. Для этого он поступал так: за определенный промежуток времени анализировал какое-либо положение, а затем записывал варианты, возникав-

шие в мыслях при обдумывании. Затем он сравнивал записи с имеющимися комментариями к партии или ее продолжением. При таких многократных опытах устанавливалось, что некоторое количество вариантов рассматривалось напрасно. «Бракованные» варианты брались на специальный учет, сравнивались, и постепенно определялись характерные черты лишней мыслительной работы. Обобщение материала многочисленных занятий позволило будущему гроссмейстеру развить чутье на ценное и бесполезное, которое служит шахматисту компасом в океане всевозможных вариантов.

Такие тренировки способствовали развитию экономичности и логики мышления, умения выделять главное для данного момента.

Своим третьим «китом» А. Котов сделал тренировку на быстроту расчета. Ставилась сложная тактическая позиция, и за 20—30 минут требовалось распутать замысловатый клубок вариантов. Время для обдумывания примерно одинаковых по сложности положений постепенно сокращалось. Конечно, качество анализа тщательно проверялось.

Эта работа по тренировке интенсивности шахматного мышления дала благоприятные результаты.

Подводя резюме, следует сказать, что способы подготовки, описанные А. Котовым, актуальны и по сей день.

Создается впечатление, что им предлагаются те трудные маневры, после которых легче в бою.

Во всяком случае, А. Котов удачно подметил целесообразность применения именно таких форм самоподготовки, которые в известной степени сочетают шахматную учебу с тренировкой воли, мышления и характера шахматиста.

Я познакомился с А. Котовым лет пятнадцать спустя после появления этой статьи. И, наблюдая за его игрой, трудно было заметить ошибку в тактическом расчете или слишком абстрактный подход к оценке позиции. Как видно, эти пробелы были успешно ликвидированы гроссмейстером. Кстати, отмечу: сравнение разных периодов творчества может многое сказать о шахматисте как о человеке, о развитии его характера, о настойчивости или безволии. Шахматная карьера А. Котова служит примером удачного союза знаний и воли, закаленной в длительном и нелегком труде.

Когда мы говорим о самостоятельной работе шахматиста, невольно возникает вопрос: как лучше готовиться — в одиночку, заниматься ли вдвоем или отдать преимущество коллективному анализу?

Думаю, что важнейшим условием успешного совершенствования шахматиста является работа наедине с доской и фигурами.

Я не собираюсь отрицать роли совместного разбора, теоретических диспутов и других способов «производственного» общения шахматистов. Но, как говорится, всему свой черед. Нельзя ограничиваться только обменом мнениями, ибо

надо сначала выработать убеждения, позволяющие спорить.

То, «на чем стоит» шахматист, создается и отшлифовывается главным образом в его творческой лаборатории, когда он в одиночестве анализирует за доской.

В такой обстановке, правда, нет критического взгляда оппонента, но зато нет риска попасть под влияние чужих мыслей и не возникают почти неизбежные в подобных случаях отвлечения внимания.

Безусловно, на этом работу заканчивать рано, ибо тогда тренировка носила бы чересчур субъективный характер. Поэтому индивидуальную продукцию полезно проверить с другими шахматистами. Будет ли это собрание команды, встреча с тренером или просто дружеская беседа за анализом с коллегой — зависит от конкретных условий соревнования или подготовительного периода. Главное — чтобы субъективный характер кабинетных занятий получил практическую оценку со стороны.

Это мнение подтверждается тренерской практикой турниров и матчей. Так, во время командного первенства Европы 1965 года в Гамбурге мы перед партией приходили к тренеру команды И. Болеславскому с готовыми предложениями: он давал «добро» или налагал «вето». Когда же А. Лейн попытался как-то раз затеять детальный анализ нового для него дебютного варианта, то получил резонный ответ, что этим надо было заниматься в Ленинграде.

Разумное соотношение индивидуального и коллективного в анализе, конечно, узаконить для каждого отдельного случая невозможно. Но говорить об этом необходимо, ибо, по-видимому, нет такой области подготовки шахматиста, где не возникал бы данный вопрос.

Большое значение, например, имеет проблема: как эффективнее организовать анализ отложенной партии. Ведь доигрывание предстоит через день-другой, а может быть, даже завтра!

Мне часто приходилось наблюдать картину, когда несколько участников сообща разбирали недоигранную позицию. Споры, мелькание рук на доске не прекращались долгие часы, а ошибок избежать не удавалось. Наиболее заинтересованное лицо — шахматист, отложивший партию, — под натиском различных доводов, как хрупкая шляпка в штормовую погоду, бросался от одной предложенной идеи к другой. В различных советах и предположениях недостатка не было; позиция вроде бы отшлифовывалась вдоль и поперек, а на доигрывании выяснялось, что порой не были учтены самые очевидные вещи.

Возможно, я обрисовал ситуацию излишне пессимистично. Бывали и коллективные анализы, выполненные превосходно, но в большинстве случаев шипы оказывались многочисленнее роз.

Объясняется это тем, что в диспуте сталкиваются шахматисты различных стилей, вкусов, разной быстроты в расчете и способах оценки по-

зиции. Да и заинтересованность сторон разная: для участника, отложившего партию, позиция — часто вопрос «жизни и смерти», а для его коллег это лишь возможность поспорить. И в результате того, что каждый невольно тянет воз в свою сторону, система, логика анализа зачастую нарушается. По-видимому, как в искусстве сравнительно редки случаи творческого содружества, так и в шахматах трудно найти своих Ильфа и Петрова или Кукрыниксов для слаженной работы в анализе.

Многие примеры на практике показывают, что отложенную позицию лучше анализировать одному, но затем желательно проверить выводы с кем-нибудь. Любопытно высказывание В. Корчного, который отмечал, что «крайне важно научиться хорошо анализировать в одиночестве, хотя это и требует большего времени. Совместный анализ недостаточно глубок и часто приводит к поверхностным оценкам. Не случайно, даже в матчах на первенство мира, ошибки при доигрывании были весьма нередки. Это объясняется анализом «с помощниками».

На нескольких финалах первенств Советского Союза моим тренером был гроссмейстер А. Лиенталь. Андрей Арнольдович сразу же предложил решать проблему отложенных партий так: анализировать поодиночке, а на следующий день проверять выводы каждого. Мы строго придерживались указанной системы, и должен сказать, что ошибок было не так уж много.

Поскольку мы начали разговор о способах

самооценки шахматиста, то нелишне будет вспомнить еще о некоторых из них.

Теперь несколько слов о секундомерах. Да, не удивляйтесь, именно об этом пойдет речь.

Лет пятнадцать назад шахматистов заинтриговала покупка Д. Бронштейном двух этих точных приборов. Пока судили да рядили, выяснилось, что московский гроссмейстер приобрел их не для посещения легкоатлетических состязаний, а для использования в турнирном зале. Он начал аккуратно фиксировать время, затрачиваемое шахматистами на обдумывание каждого хода. Вначале такой опыт вызывал улыбки, но затем у Д. Бронштейна стали появляться последователи. Правда, магазины точной механики перестали подвергаться набегам шахматистов, но гроссмейстер В. Антошин и несколько мастеров стали в бланках для записи партии отмечать время, израсходованное на обдумывание каждого хода. Оказалось, что польза в этом несомненно есть. Появился хронометраж событий, позволявший судить, какие моменты партии требовали больших размышлений, когда и в какой обстановке совершались ошибки.

Хронометрический метод стал ценным вспомогательным средством лучшего изучения собственного творчества, уяснения своих недостатков и сильных сторон.

Недаром газета «Известия», где шахматным отделом руководит гроссмейстер Д. Бронштейн, первой стала указывать, наряду с текстом партии, также и количество времени, затрачиваемо-

го партнерами на обдумывание каждого хода.

С легкой руки Д. Бронштейна и В. Антошина я решил тоже вести подобный учет. Вскоре выяснилась любопытная деталь, незаметная раньше: на обдумывание партии с десятого по двадцатый ход я тратил времени значительно меньше, чем с двадцатого хода по двадцать пятый. А думать было надо, так как именно где-то в районе пятнадцатого-двадцатого хода, как правило, происходит утверждение генерального плана предстоящего боя.

А я по дебютной инерции в темпе «проскакивал» ответственный момент развития партии, часто допускал небрежность или ошибку, получал не то, что хотелось, и, спохватившись, порой поздно, углублялся в анализ позиции.

Точная механика помогла понять, что мне лучше, а что хуже при решении «староиндийской проблемы» за белых. Я часто применял три системы против староиндийской защиты и никак не мог остановить выбор ни на одной, хотя и понимал, что сделать это практически необходимо, так как «необъятное не объемлешь». Из многих наблюдений я сделал вывод, что в одной из систем, обозначим ее, скажем, буквой А, изменение ритма в загратах времени по отдельным ходам дебюта и миттельшпиля было более ровным по сравнению с системами Б и В. Создалось предположение, что характер стратегических идей системы А мне более по нраву, чем других. Я стал чаще применять систему А против староиндийской защиты и неожиданно убедился в ее большой привлекательности для себя.

Конечно, эти примеры не претендуют на слишком многое. Просто мне хотелось отметить, что шахматные часы существуют не только для фиксирования падения флага или блица. Наблюдение за шахматными часами помогает лучше понять, что происходит в самой партии, где надо спешить, а когда торопиться не к чему.

Для того чтобы лучше разобраться в плюсах и минусах своей игры, полезно прислушаться к мнению других. «Я знаю, что и я подвержен погрешности и часто ошибаюсь, и не буду на того сердиться, кто захочет меня в таких случаях остерегать и показывать мне мои ошибки», — очень хорошо отметил значение этой проблемы Петр Первый.

Если шахматист хочет совершенствоваться, идти вперед, то мнение товарищей становится неценимой помощью.

Приведу из своей практики два случая, оказавших влияние на известный пересмотр моих шахматных концепций. После получения в 1952 году звания мастера я несколько лет играл примерно на одном уровне: занимал средние места в мастерских турнирах и даже близко не подходил к финалам первенства страны. Однажды за совместным анализом с В. Корчным я удивился, услышав его мнение, что хорошо веду партию при конкретных взаимных атаках на разных флангах. Над этими словами я крепко задумался, начал изучать характерные примеры и, как следствие указанного, постепенно включил в свой репертуар некоторые «таранные» варианты сици-

лианского, испанского и других начал в игре белыми. Результаты оказались благоприятными. По иронии судьбы мне удалось выиграть у В. Корчного в полуфинале первенства СССР в 1956 году именно такую по характеру борьбы партию. Повидимому, советы ленинградского гроссмейстера сказались определенным образом на развитии моего «шахматного самосознания».

Во втором случае «виновником» тоже был В. Корчной. Он как-то бросил, казалось бы, пустичное замечание: «Ты плохо играешь без открытых линий». Я сразу же интуитивно почувствовал верность этого мнения: действительно, многие еще не определившиеся позиции с борьбой по всей доске, особенно чуть стесненные, я терпеть не мог. Поэтому часто путался в сложных лабиринтах пешечных заслонов чигоринского варианта испанской партии, в староиндийской защите и других позициях со сражением по всему фронту.

Я стал заниматься устранением этого недостатка. Насколько успешно, конечно, судить трудно, но слова В. Корчного я частенько вспоминал при обдумывании очередного хода в партии, с большей бдительностью относился к положениям, где бой охватывал всю доску, и с большей уверенностью открывал линии для тяжелых фигур.

К сожалению, нередко характеристика того или иного шахматиста становится в руках газетных и журнальных критиков штампом, сопровождающим шахматиста долгие годы и вводящим его в заблуждение. Критика шахматного творче-

ства может быть полезной, если она учитывает развитие шахматиста, подмечает то новое, положительное или отрицательное, что возникает в его игре.

На мою долю достался ярлык знатока дебютной теории. Когда-то, еще в период первых моих шагов на арене серьезных соревнований, это суждение было более или менее справедливо. Однако позднее оно сослужило мне плохую службу. Привыкнув слыть знатоком, я перестал заниматься теорией дебютов и вскоре отстал в этом отношении от многих своих коллег.

А штамп тем временем сопровождал меня из турнира в турнир. Так, в 1958 году в большинстве партий Ростовского полуфинала XXVI чемпионата СССР я по дебюту получал худшие позиции. Это не помешало, впрочем, мастеру А. Константинову, бывшему главным судьей соревнований, отметить, что Крогиус вновь зарекомендовал себя как хороший знаток дебюта.

Конечно, дать характеристику игры участника только по одному турниру очень сложно. Но услышать справедливое мнение о своей игре очень полезно: ведь задача самостоятельной подготовки не заканчивается констатированием фактов — надо еще постараться устранить плохое и улучшить удовлетворительное.

Поэтому следует обратиться к учебным образцам, искать и найти эти ценные образцы в творчестве других.

Серьезным подходом к характеристике стиля игры шахматистов отличается, например, статья

В. Алаторцева «Формирование мастерства», опубликованная в четвертом номере журнала «Шахматы в СССР» за 1941 год.

Философ Д. Рескин говорил: «Познай самого себя» — есть основное правило. Но неужели Вы думаете, что можно познать себя, всматриваясь в себя? Нет. Вы можете познать себя, только присматриваясь к тому, что вне нас. Сравните Ваши силы с силами других».

Это справедливое высказывание. Шахматисту весьма поучительно сравнить свои партии, дебютные системы, планы стратегии и комбинации с творчеством других. Это обогатит его игру новыми сведениями, даст верное, критическое направление анализу.

Один из саратовских кандидатов в мастера, охотно применявший принятый ферзевый гамбит за черных, добрым словом вспоминает совет провести исследование на тему: «Борьба с изолированной пешкой по партиям Т. Петросяна». Молодой шахматист проштудировал несколько десятков примеров из творчества чемпиона мира, познакомился с характерными приемами осады изолированной пешки. Подобное изучение вдвойне было полезным, так как обогатило знания кандидата в мастера в уже заинтересовавшей его области стратегии.

Возможно, что не только в велосипедном спорте, но и в шахматах имеет право на существование так называемая «гонка за лидером». Правда, здесь, в отличие от соревнований на трекке, шахматист выбирает себе «лидера» из числа

крупных мастеров для творческого подражания. Чаще всего выбор определяется относительной общностью стиля ведущего и ведомого. Но встречается и другой подход, когда ведомый, учитывая знание слабых сторон своей игры, сознательно обращается к изучению творчества такого мастера, который, наоборот, силен там, где слаб подражающий.

Любой из способов выбора ведущего имеет свои преимущества:

1. Дает полную картину дебютного репертуара мастера, так как многие детали, опускаемые в теоретических статьях и обзорах, попадают в поле рассмотрения.

2. Стратегические идеи, типичные позиции миттельшпиля изучаются не вообще (как тема учебника), а применительно к стилю и дебютному репертуару мастера.

3. Яснее заметна последовательность изменения дебютных вкусов, отношения к оценке позиций середины игры и эндшпиля. Шахматист изучается не статично, а с учетом развития его взглядов, понимания шахматных закономерностей в различные периоды его творческого пути.

4. Появляется возможность более широкого психологического анализа, например, при рассмотрении таких моментов, как игра после поражения, подготовка к определенным противникам, методика разбора отложенных партий и т. д.

Только хотелось бы предостеречь от некоторых возможных ошибок: творческое подражание не должно быть стремлением к полному копиро-

ванию. Смысл работы заключается в обогащении собственного понимания опытом изучаемого, а не в цели стать «тенью», например, Е. Геллера или И. Болеславского. К тому же это и невыполнимая задача. Не следует также ограничиваться подражанием только дебютным вкусам лидера. Такое заимствование тоже к хорошему не приведет, так как тесно связанные стадии шахматной партии — дебют и середина игры — окажутся разорванными. К тому же не напомним ли подобный метод молодого артиста, который в желании быть похожим на Чарли Чаплина ограничивается приобретением мятого котелка и тросточки?

Для лучшего понимания своей игры и игры других очень важна наблюдательность, умение подмечать на первый взгляд мелкие, несущественные шахматные и психологические детали.

Весьма проникательным в этом отношении является М. Ботвинник. Экс-чемпион мира на основании анализа множества отдельных фактов поведения, шахматных привычек, склонностей и антипатий выводит столь совершенные характеристики противников, что это позволяет ему часто безошибочно угадывать их планы.

По поводу своей партии с М. Эйве из первого круга матч-турнира на первенство мира в 1948 году М. Ботвинник писал: «Я жертвую пешку, и Эйве принимает жертву (он это любит делать), хотя, возможно, лучше было ее отклонить. Постепенно я успокаиваюсь: видимо, при подготовке характеристика игры Эйве была составлена мною правильно. Эйве задумался, положение черных

стало нелегким: у белых шансы на атаку. Если черные сразу перейдут к окончанию, то станет ясно, что положение у них плохое. Однако, думаю, если они сначала разовьют слона на еб, то реального перевеса что-то не видно. Эйве, наконец, делает ход: он сразу предлагает размен ферзей! Все волнение пропадает—характеристика оказалась верной! Эйве обычно боится атаки на своего короля—у него и на этот раз не выдержали нервы. С разменом ферзей он не мог подождать даже одного хода».

М. Ботвинник выиграл партию, причем заслуга в этом психологического прогноза, основанного на наблюдательности, достаточно ясна.

Тонким психологом зарекомендовал себя и В. Корчной. Он подметил, что М. Таль верит в варианты, которые уже приносили ему победу, и редко их проверяет. Корчной нашел усиление в варианте сицилианской защиты, который принес успех рижанину против Б. Ларсена в межзональном турнире 1958 года.

В. Васильев рассказывает об интересном эпизоде, происшедшем во время XXVI чемпионата СССР. «Бронштейн как-то сказал Корчному: «Вы у нас лучший знаток Таля. Как бы вы с ним играли черными?» — «Ну что ж, посмотрите к партии с Талем усиление, которое я нашел в сицилианской защите». — Бронштейн недоверчиво усмехнулся: «А если он сыграет иначе?» — Корчной в ответ лишь пожал плечами.

Бронштейн все-таки избрал другой вариант, и Корчной сам проверил правильность своей до-

гадки. К удивлению Бронштейна, все было именно так, как предсказал Корчной. Таль слишком поздно сообразил, что его перехитрили, и вынужден был признать себя побежденным».

Итак, выводы, наблюдения могут быть верными, если они опираются на достаточно широкий круг фактов. Нельзя делать обобщения на основании случайного набора партий противника или отдельных проявлений его эмоционального состояния.

Так, Ю. Авербах вспоминал, что при подготовке к встрече с венгерским гроссмейстером Г. Барца он имел в своем распоряжении около двадцати партий соперника. Они были из разных соревнований и почти все окончились победой Барца. Поэтому мнение о силе противника оказалось преувеличенным, а о стиле и дебютной подготовке создано явно недостаточное представление.

Несколько слов в завершение нашей беседы.

Если шахматист начинает понимать, как еще далека от совершенства его игра, видит необходимость учиться у других, — значит, первый и важный шаг на пути шахматного совершенствования сделан.

На этом пути его ждут не только победы, но и неудачи и разочарования. Но шахматное счастье теперь находится в его собственных руках. Много будет зависеть от его трудолюбия, скромности и стремления к самостоятельным поискам.

И если шахматист будет настойчив в выполнении поставленных целей, то его ждет щедрая на-

града — несравнимое чувство творческого удовлетворения, когда создаешь новое и можешь передать его людям.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ

Двое за шахматной доской: мерное тикание часов, безобидные передвижения фигур. Казалось бы, как мало общего в этой идиллической сцене с картиной бескомпромиссного сражения, борьбы до конца.

Но такое впечатление ошибочно. Конечно, на полях шахматных боев не слышатся выстрелы, но это всегда напряженное и отнюдь не мирное столкновение двух личностей, двух характеров и интеллектов.

В. Смыслов писал: «В шахматах я видел интересную сферу творческих идей, построенных на противоположных замыслах двух шахматистов». А Э. Ласкер прямо указывал: «В шахматах есть элементы науки и искусства, но и те и другие подчинены основному — борьбе».

Итак, главное — борьба! Причем борьба в высшей сфере человека — в области интеллекта, мышления. Приняв эту мысль, мы невольно вспоминаем примеры из деятельности полководца, разведчика, дипломата. Разве не был каждый поступок М. И. Кутузова жестоким поединком с волей, методом мышления, характером его противников?

Но не будем требовать от шахмат слишком

многого. Так же, как нельзя отождествлять богатство и многообразие жизни с ходами деревянных фигур, так и военную стратегию можно лишь условно сравнивать с планированием шахматных операций.

Все же шахматы являются пробным испытательным камнем, своеобразным полигоном для тренировки творческого мышления человека. Об этом говорил В. И. Ленин, когда называл шахматы «гимнастикой ума».

Как мы уже отмечали, борьба в шахматной партии проявляется в столкновении двух характеров. Поэтому психологической задачей каждого из противников является стремление навязать партнеру свою волю, заставить его в первую очередь считаться с чужими замыслами и планами.

Для успешного достижения этой цели важным оказывается знание сильных и слабых сторон своих соперников. Одни любят острую комбинационную игру, предпочитают всему нападение и к позиционным планам относятся, как к чему-то второстепенному. При встрече с такими противниками полезно быстрее сбить темп их наступательного порыва, погасить инициативу и перевести партию в спокойное, маневренное русло.

Так, например, удачно «блокировал» С. Флор темпераментного В. Микенаса в матче между ними в 1938 году. Результат был не совсем обычным для спокойного С. Флора — 8 : 2!

Другие, наоборот, предпочитают защитительную манеру боя и с большим почтением относятся к материальным ценностям. Тогда целесооб-

разно вытянуть партнера из «укрепленной полосы» в чистое поле, даже прельстив его ради этого какой-нибудь полукорректной жертвой.

Похожая картина наблюдалась в 1965 году в поединке претендентов на звание чемпиона мира Б. Ларсена и Б. Ивкова, когда хитроумный датчанин сумел выманить Ивкова за крепостные валы.

Подобный список легко продолжить. Думаю, что любой шахматист может припомнить не один такой случай из своей практики.

Эти примеры не противоречат высказанным ранее мыслям о необходимости точного учета своих сильных и слабых сторон при подготовке. Здесь лишь подчеркивается положение, что нужно стремиться применить собственные козыри в наиболее неприятной для партнера обстановке.

Любопытно, что часто во встречах между приблизительно равными по силе партнерами один систематически обыгрывает другого. О таких установившихся взаимоотношениях говорят: «Этого противника он просто не выносит».

Так, например, М. Таль постоянно проигрывал В. Корчному, а Р. Фишер — Л. Пахману. У меня несколько лет назад самым «страшным» неприятелем был киевский мастер Б. Ратнер, который неизменно у меня выигрывал. К сожалению, сейчас я потерял возможность отрешиваться, так как в последнее время Борис Яковлевич отошел от турнирных выступлений. А вот с моим давним товарищем еще по юношеским соревнованиям — А. Лутиковым картина иная. Счет на-

ших встреч примерно такой: пять партий выиграл я, а остальные шесть закончились вничью.

Конечно, перечисленные результаты не отражают реального соотношения силы шахматистов, а объясняются психологическими причинами.

После одного-двух поражений у проигрывавшего перед следующей встречей образуется настроение неуверенности, обреченности, парализующее его волю и боевые способности. И чем впечатлительнее шахматист, тем устойчивее становится привычка к проигрышам неприятному партнеру.

Интересно, что указанное взаимоотношение устанавливается чаще между очень разными по характеру и стилю игры людьми. Можно назвать такие пары: Корчной — Таль, Болеславский — Котов, Ней — Штейн, где успех чаще сопутствовал первым. Вероятно, что при попадании в психологическую зависимость особенно трудно противостоят необычной для своего стиля и поэтому объективно наиболее неприятной манере игры противника.

Психологическая зависимость образуется, на наш взгляд, под влиянием того, что один из соперников интуитивно или сознательно лучше подмечает сильные и слабые стороны творчества своего противника.

Иногда одностороннее психологическое давление распространяется не на все встречи между противниками, а только на партии, сыгранные определенным цветом фигур. Значение права первого хода, белого цвета в современных шах-

матах велико. Однако суть этого преимущества заключена не в признании тезиса, что «белые начинают и выигрывают», а в том, что, первым начиная партию, легче создать позицию в собственном вкусе и, следовательно, в какой-то степени навязать противнику приятный для себя характер борьбы.

Несколько лет В. Корчной и А. Суэтин заканчивали партии с неизменным результатом: белые выигрывали, а счет по очкам был 6 : 6!

Может быть, белый цвет шахматных фигур аналогичен понятию «свое поле», которому придается такое значение в футбольных баталиях.

Успешное использование психологических моментов в подготовке шахматиста — дело не простое. Для этого необходимо как хорошее понимание особенностей своей игры, так и умение расшифровать индивидуальный почерк противника.

Вряд ли человек ограниченный, рассматривающий, например, теорию дебютов только как сумму вариантов, может справиться с этой задачей. Применение психологического подхода предусматривает высокое развитие общей и шахматной культуры и логического мышления.

Попробуем рассмотреть некоторые методы использования психологической борьбы в шахматах.

В состязании с шахматистом агрессивного, нападающего стиля очень важно остановить наступление противника, вырвать инициативу из его рук. В этом случае он начинает играть менее

уверенно, так как вынужден значительно больше считаться с активными возможностями со стороны партнера.

В международном турнире памяти М. И. Чигорина (Сочи, 1964 год) дела мои шли успешно. В одиннадцатом туре я одержал победу над чешским мастером М. Уйтелки и набрал уже восемь с половиной очков. До выполнения гроссмейстерской нормы оставалось еще полтора очка из четырех. Но я не был уверен в желаемом, так как в последний день я черными встречался с Б. Спасским, да и другие соперники: Ф. Георгиу (Румыния), М. Матулович (Югославия) и Г. Фортинтош (Венгрия) — на финише явно «жаждали крови».

Особенно я волновался за партию с румынским шахматистом. Мое первое знакомство с Ф. Георгиу состоялось в 1957 году, во время международного турнира в Плоешти. Мне показали худенького скромного мальчика лет четырнадцати, которому уже тогда прочили большое будущее. В Плоешти мы встретились и за доской в нескольких партиях блиц.

За прошедшие семь лет мальчик возмужал и внешне, и как шахматный боец. Он стал чемпионом мира среди юношей, несколько раз выходил победителем в первенствах Румынии. Теперь от его игры веяло оптимизмом и широкой эрудицией. Держался он очень уверенно, любил высказывать свое мнение по поводу самых спорных позиций.

Таким образом, мне предстояло выдержать и шахматный, и психологический натиск молодого,

честолюбивого и талантливому сопернику. Трудность моего душевного состояния осложнялась тем, что меня устраивал ничейный результат в этой партии. Боязнь риска в момент, когда можно все потерять одним ходом, наталкивала меня на мысль запереться в собственной крепости и не искать активной игры. Такое настроение оказалось устойчивым, и лишь в последние часы перед туром, вспоминая похожие случаи из своего прошлого опыта, я изменил решение. Я понял, что противник рассчитывает на пассивность с моей стороны, да и вообще будет сильнее играть в приятной для него позиции с инициативой. Поэтому я решил продемонстрировать перед партнером не робость, а смелость и наметил уже с первых ходов партии упорно бороться за владение инициативой.

Сицилианская защита

Н. Крогиус — Ф. Георгиу

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4 cd 4. K : d4 Kf6 5. Kc3 a6 6. Ce2 e6 7. 0—0 Фc7 8. f4 Ce7 9. Фе1.

Я старался играть с возможно более уверенным видом, как бы стремясь показать противнику, что не боюсь жестокого сражения и иду на него с «открытым забралом». Последний ход ферзем я сделал намеренно быстро, чтобы не оставить у Ф. Георгиу сомнений, что охотно пожертвую пешку после 9. ...Фb6. Мне показалось в тот момент, что соперник не ожидал встретиться именно с таким характером начинающейся борь-

бы. Он нахмурился и, может быть, немного разочарованно смотрел на доску.

Следует, кстати, заметить, что внешние проявления поведения шахматиста во время партии играют важную роль в психологической дуэли.

Вспомним, например, американца П. Бенко, который на встречу с М. Талем явился в темных очках, объясняя это тем, что Таль, мол, его «гипнотизирует». Конечно, о гипнозе здесь говорить не приходится, но, по-видимому, испытующий взгляд рижанина, его манера смотреть на противника оказывали на П. Бенко известное воздействие.

Иногда вид шахматиста является точным барометром его состояния и правильно свидетельствует о его уверенности или подавленности. Однако не следует забывать, что выводы, основанные на внешних впечатлениях, часто бывают обманчивы. Многие люди умеют отлично управлять своими чувствами, и по их виду мало что можно сказать. Не стоит и переоценивать воздействие поведения на соперника. Все-таки роль поведения второстепенная, а решающая принадлежит классу игры, силе шахматиста. Вернемся к партии:

9. ...Кс6 10.Се3 Cd7 11.Фg3 g6.

Чего-то примерно в этом духе я ожидал от своего противника. Ходом 11. ...g6 черные отказываются от прочного, но довольно пассивного положения в связи с напрашивающейся короткой рокировкой и начинают осуществлять сомнительный план пешечной атаки на королевском флан-

ге, стремясь насильственными средствами перехватить инициативу. Теперь передо мной возникла новая, уже более конкретная психологическая задача: принять некоторые меры против кавалерийских наскоков черных фигур и исподволь подготовить резервы к кульминационной схватке в центре.

12.Kph1 h5 13. Фe1 h4 14.Cf3 Kh5 15.Kde2 Ka5 16.Cd4.

А этот маневр основан на точном расчете, так как, на первый взгляд, он нелогичен, ибо помогает черным в дальнейшем сдвоить ладьи по крайней горизонтали. Здесь нужно отметить, что, хотя сейчас мы намеренно выделяем в комментариях психологические моменты и общие соображения, не следует считать, что только эти стороны определяют успех борьбы. Тактическая сторона шахмат, конкретный расчет вариантов являются той реальной почвой, где реализуются психологические замыслы и самые общие выводы по оценке позиции. Поэтому нельзя говорить о том, что вот-де до пятнадцатого хода была психология, затем вступила в права стратегия и уже идет, согласно расписанию, тактика. Все время, в любой момент течения партии существует неразрывное единство между общей оценкой позиции, конкретным расчетом и чувствами, характером человека, производящего эти оценки и расчеты.

16. ...Лh7 17. b3 Kc6 18.Cf2 Kg3+.

Не удовлетворенный ходом событий на доске, Ф. Георгиу спешит форсировать игру. Следова-

ло предпочесть 18. ...g5, чтобы после 19.fg обеспечить за собой поле e5.

19. К : g3 hg 20. С : g3
g5 (см. диаграмму).

Поздно!

21.e5!

Решающий прорыв.

21. ...gf 22. ed! С : d6.

Если 22. ...fg, то 23.Ф:g3, и ввиду угрозы шаха черные проигрывают. Вот где сказалась неудачная позиция ладьи!

23. Кd5 0—0—0 24.К:c7

fg 25.h3 С : c7 26.Лad1

Лdh8 27.Л : d7 Кр : d7

28.С : c6+ Кр:c6 29.Фe4+

Крb6 30.Фd4+ Крc6

31.Лf3 b5 32.Фа7 Л : h3+

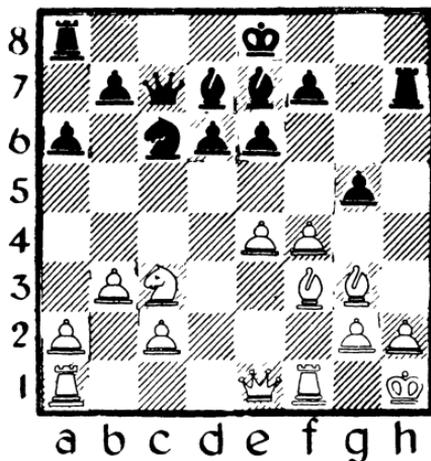
33.gh Л : h3+ 34.Кpg2

Лh2+ 35.Кpf1 Лh1+36. Кре2 Лh2+ 37. Крд3

g2 38.Л : f7 Сb6 39.Фb7+Крс5 40. b4+. Черные сдались.

Главной причиной поражения черных, по-видимому, была растерянность, возникшая в связи с неожиданным характером развития партии, и вызванная этим импульсивная игра с их стороны. Стремление вырвать инициативу у активного, наступательного шахматиста оправдалось в данной встрече.

Классическим примером тонкой психологической подготовки к игре с противником остро ком-

бинационного, агрессивного направления служат партии матч-реванша М. Ботвинник — М. Таль. В этом соревновании М. Ботвиннику удалось успешно применить тактику прессинга активных порывов рижанина. Создалось впечатление, что основным доводом, определяющим выбор того или иного плана М. Ботвинником, было признание мысли: «Только не дать инициативу в руки Талю». Порой М. Ботвинник отказывался от заманчивых, возможно, объективно даже и чуть более сильных продолжений ради позиций, где блестящему комбинационному мастерству его соперника тесно было развернуться.

Приводим начальную часть первой партии этого матча с примечаниями Д. Бронштейна.

Защита Нимцовича

М. Ботвинник — М. Таль

1.c4 Kf6 2.Kc3 e6 3.d4 Cb4 4.e3 0—0 5.Cd3 d5
6. a3!!

«Этим ходом Ботвинник приоткрыл свою программу борьбы против М. Талья... В борьбе Ботвинника с Талем один из них ставил задачей завлечь противника в пучину осложнений, в свою очередь другой стремился к твердой почве логической стратегии».

«Своим шестым ходом Ботвинник сказал: На сушу, друг мой, на сушу. Я не собираюсь гоняться за призраками дебютного преимущества и бороться в омуте...»

6. ...dc 7.C : c4 Cd6 8.Kf3 Kc6 9.Kb5 e5 10.K : d6
 Ф : d6 11. de! Ф : d1 +,

и возник примерно равный эндшпиль, в котором фантазия М. Таля была ограничена простотой положения. После ряда ошибок он проиграл.

Глубокая психологическая оценка противника в сочетании с мудрым выбором дебютного репертуара и другими факторами принесла М. Ботвиннику закономерную победу в матче.

Опыт М. Ботвинника удачно использовали и развили Б. Спасский и его тренер И. Бондаревский при подготовке к матчу с тем же противником в Тбилиси в 1965 году.

Они тоже справедливо решили, что борьба должна проходить под девизом: «Любыми средствами, но инициативу Талю не давать». Учитывая, что рижанин особенно опасен в игре белыми фигурами, Б. Спасский и И. Бондаревский детально разработали гамбитный вариант испанской партии, носящий имя атаки Маршалла. В этом варианте черные жертвой пешки заставляют партнера перейти к защите. У белых возникают заботы об обороне собственного короля, и, лишь претерпев немало мытарств в положении, напоминающем партер на борцовском ковре, они могут думать об использовании своей лишней пешки в эндшпиле. Такая игра не по нраву М. Талю. Как мы уже писали выше, атака Маршалла была, вероятно, психологически правильно применена автором этих строк против М. Таля еще в 1962 году. Однако я оказался не совсем в курсе всех тонкостей этого сложного дебюта и проиграл.

Б. Спасский же подготовил атаку Маршалла на отлично.

Любопытно, что этот выбор оказался для М. Талья полной неожиданностью. Когда ему сказали, что от Спасского можно ожидать такого дебюта, он ответил: «Против меня не сыграет!»

Посмотрим, как развивалась борьба в партиях, сыгранных атакой Маршалла.

Первая. На восемнадцатом ходу черные (Б. Спасский) применили новое сильное продолжение. Белые оказались вынужденными вернуть пешку, и после оживленной игры в эндшпиле была зафиксирована ничья.

Пятая. Опасаясь встретиться с неожиданностью, М. Таль разменивает своего главного нападающего — белопольного слона. Возникает эндшпиль с лишней пешкой у белых. Реализовать ее очень трудно (если вообще возможно) из-за двух сильных слонов противника. В технической стадии белым не удалось найти каких-либо шансов на победу. Ничья!

Седьмая. До восемнадцатого хода повторение пятой партии. Опять получается скучный для рижанина эндшпиль и снова ничья.

Мы видим, как наступательные порывы М. Талья парализовались удачно выбранным психологическим оружием его соперника. По-видимому, три атаки Маршалла сыграли важную роль в общем итоге матча, так как поколебали уверенность рижанина. В девятой и одиннадцатой партиях матча он первым свернул со столбовой «испанской» дороги на другие, редко им применяе-

мые продолжения, но это также не принесло успеха.

Психологическая дуэль может развиваться не только в форме борьбы за инициативу. Некоторые шахматисты предпочитают вызывать на себя огонь противника, стараются заманить далеко вперед увлеченные наступлением силы соперника.

В истории нашей Родины героическая страница посвящена сражению на льду Чудского озера. Читатель помнит, как мудро был задуман план боя Александром Невским. Вот железным клином двинулось в атаку закованное в латы воинство завоевателей. В центре позиции, без особого сопротивления, русские отступают. Торжествующие враги, почуявшие близкую, как им казалось, победу, забыв обо всем, устремляются вперед, ближе к шатрам новгородцев, к желанной добыче. Но что это? Наступление замедляется, а потом и вовсе останавливается. А действующие на флангах свежие части русских войск сжимают железное кольцо вокруг зарвавшихся полчищ неприятеля. Теперь исход боя предрешен. И вскоре трубы возвещают о поражении чужеземцев.

Когда я наблюдаю за игрой нашего выдающегося гроссмейстера В. Корчного, то часто вспоминаю полководческое искусство Александра Невского. Командуя шахматным воинством, ленинградец очень любит принять противника, как говорится, на себя, измотать в оборонительных боях и энергично прикончить подготовленным тайне встречным натиском.

Сущность такого метода хорошо охарактеризовал известный спортивный журналист, часто пишущий о шахматах, В. Васильев: «Готовность Корчного уступать намерениям противника — это примерно то же, что готовность пружины сжиматься. Позволяя противнику захватывать на доске жизненное пространство, отдавая ему инициативу, Корчной исподволь, незаметно для противника готовит встречный удар. Стихия Корчного, стихия, в которой он не знает себе равных, — это контратака».

Показательна в этом плане партия В. Корчного с Р. Нежметдиновым из XXVI первенства СССР в Тбилиси. Играя черными французскую защиту, ленинградец принял жертву явно «отравленной» пешки партнера.

Кстати, уважительное отношение к материальным ценностям типично для шахматистов подобного стиля. Они охотно принимают дары, а сами предпочитают... жертвовать чужие фигуры. Уж какие пешки берет В. Корчной! Иной раз ужас охватывает при взгляде на его пешкоедство. Но проходит некоторое время — и видишь: нет, жив еще Корчной, партия висит на волоске, но этот волосок большей частью оказывается достаточно прочным.

Вернемся к встрече из турнира в Тбилиси. Фигуры Р. Нежметдинова устремились на штурм, ладьи заняли центральные линии, а дальнобойные слоны начали обстрел всей доски. Но скрытые возможности защиты все же находились ход за ходом. На пути атаки белых искусной рукой

В. Корчного каждый раз возводились новые преграды. Р. Нежметдинов где-то чуть промедлил, и вот уже силы противника собрались, готовые к встречному удару.

Но Р. Нежметдинов все еще находился под впечатлением того, что преимущество на его стороне. Психологическая особенность этого настроения понятна: ведь очень трудно перестроиться в пылу боя, уловить тот момент, когда произошел еще не видимый с первого взгляда перелом. Он продолжал искать активные возможности там, где уже надо было думать об обороне. Развязка наступила быстро. Ожившие, как по волшебству, фигуры черных завершили разгром. В. Корчной победил.

Если шахматным содержанием такого метода игры является расчет на контратаку, то психологический смысл заманивания состоит в том, что противник постепенно теряет критичность в оценке позиции, настороженность сменяется чувством упоения первыми успехами, то есть происходит процесс нарушения объективности мышления.

Конечно, заманивание не всегда с фатальной неизбежностью приводит к нарушению объективного взгляда противника на вещи. Произойдет ли это или нет, зависит от индивидуальных особенностей личности шахматиста, от силы его характера.

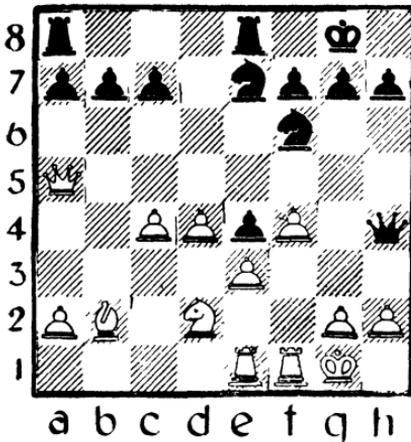
С другой стороны, пружину нельзя сжимать беспредельно. Она может сломаться. Поэтому и метод заманивания имеет ограниченное поле при-

менения, так как в каждой позиции существует определенный рубеж, дальше которого отступить невозможно из-за неминуемого проигрыша.

Шахматистам, использующим в своей практике указанный метод, весьма важно четко представлять, какую уступку можно допустить, не рискуя наверняка потерпеть поражение. Этой цели служит так называемое чувство опасности, позволяющее заранее предвидеть подчас скрытые возможности позиции.

Чувство опасности основывается на способности к правильной оценке позиции, а также на учете мелких, трудноуловимых интуитивных, психологических факторов.

Шахматист, ведущий борьбу способом заманивания, должен стараться искать в позиции не только подтверждения основных принципов

стратегии — скорее исключений из этих общих правил. Удачный контрштурм, внезапный ответный удар часто осуществляются именно благодаря необычности, оригинальности, возникшего на доске положения.

На диаграмме позиция из партии Г. Лисицын — А. Толуш (полуфинал XI первенства СССР, Ленинград, 1938 год). Интересны воспоминания

П. Романовского по поводу этой встречи. Он рассказывал: «Лисицын поделился со мной своими радужными надеждами: «Не понимаю игры противника — уступил центр, а теперь еще теряет пешку, потому что в случае попытки защищать пешечку на с7 я его удивлю неожиданным Фg5».

Я с некоторым сожалением посмотрел на задумавшегося Толуша. Через несколько ходов я еще раз взглянул на эту позицию. Увы! Толуш весело улыбался, имея лишнее качество».

В партии было:

18. ...h6! 19. Ф : с7 Кf5 20. h3.

Если 20. Ле2, то Кg4.

20. ...Kg3,

и белые потеряли ладью за коня, так как на 21. Лf2 следует Кg4.

Оптимизм Г. Лисицына перед восемнадцатым ходом черных основывался на стандартной оценке положения: центр, давление на ферзевом фланге и т. д. Однако он не придал значения каверзному расположению черных коней, приготовившихся к набегу на резиденцию его короля.

Своеобразно проявляется способ заманивания в нервных, волнующих поединках, когда победа позарез нужна обоим соперникам.

Перед двумя заключительными днями XXII чемпионата СССР мы обсуждали с Г. Иливицким шансы участников. А ситуация складывалась так: для завоевания права на место в межзональном турнире Г. Иливицкому необходимо было выиграть у В. Смыслова и С. Фурмана. Победы

нужны были, как воздух, и его партнерам: В. Смыслову — чтобы стать чемпионом страны, а С. Фурману — для выхода вместо Иливицкого в число участников межзонального соревнования.

Настроен Г. Иливицкий был весьма бодро: он твердо надеялся на успех. Я высказал опасение, что играть на выигрыш против таких противников, как В. Смыслов и С. Фурман, — нелегкая задача. Но получил неожиданный ответ: «Мои шансы как раз и заключаются в том, что они больше хотят выиграть у меня, чем я у них».

Парадоксально! Не правда ли?

Конечно, я всерьез не принял слова Г. Иливицкого, но, представьте себе, в действительности все прошло, как по заранее написанному сценарию. И Смыслов и Фурман переоценили свои позиции, необоснованно проявили активность и оба проиграли. А пронизательный свердловчанин добыл путевку в Швецию на межзональный турнир сильнейших шахматистов мира.

Так что же, выходит, надо меньше желать выигрыша, чтобы побеждать? — скажут мне, узнав историю Г. Иливицкого.

Разумеется, на этот вопрос следует ответить отрицательно. Можно и нужно мечтать, желать и добиваться победы. А удача уральского мастера объясняется не тем, что он меньше хотел выиграть, а тем, что сумел сохранить, в отличие от своих противников, объективность и спокойствие до конца. Он также тонко подметил, что некоторые участники турнира недооценивали его подлинную силу и потому играли с ним иногда азарт-

но. Так, например, пострадал от него П. Керес, пытавшийся выиграть ничейную позицию. Все эти обстоятельства были хорошо использованы Г. Иливицким в решающих встречах на фишише.

В первенстве Российской Федерации 1960 года моя партия с воронежским шахматистом В. Терентьевым была отложена в положении, где, как говорится, ни туда и ни сюда. Тот, кто пытался бы играть на выигрыш, должен был потерпеть поражение. А победить каждому из нас очень хотелось: я в этом случае попадал в финал чемпионата СССР, а мой коллега становился мастером. Как выяснилось потом, мы крепко надеялись друг на друга: «Ему, мол, важнее — он пойдет на авантюру и проиграет», — рассуждали оба. В результате, к взаимному сожалению, эта партия закончилась вничью. Обидно было обоим, но что делать?

Наряду с уже рассмотренными способами психологической дуэли довольно широко применяется прием маскировки. Что он означает? За внешне безобидными маневрами подготавливается решительный штурм, или, наоборот, резкая, агрессивная игра создает такую психологическую обстановку, что, кажется, сейчас не до каких-то мелочей вроде слабого пункта или поля. Этим и пользуется хитроумный партнер, мгновенно переводя партию на холодные рельсы использования микроскопического преимущества.

Бывает и так. Демонстрация на одном фланге отвлекает внимание партнера, а тем временем

главные силы вступают в бой на другом участке шахматной доски.

Классическим образцом умелого применения маскировки служат многие партии Э. Ласкера. Особенно примечательна его победа над Х. Р. Капабланкой в международном турнире в Петербурге в 1914 году. Отставая на полтора очка от лидера, Э. Ласкер, который, казалось бы, должен играть резко на выигрыш, избирает безобидный разменный вариант испанской партии. Усыпленный миролюбием партнера и полагая, что тот примирился с отказом от борьбы за первое место, Х. Р. Капабланка начинает играть чересчур пассивно и неосторожно попадает в трудное положение. Э. Ласкер с неумолимой последовательностью довел преимущество до победы, победы двойной — шахматной и психологической.

В партии Б. Ивков — В. Смыслов из турнира, посвященного памяти Х. Р. Капабланки (Гавана, 1965 год), дебют не предвещал напряженной борьбы. Вот первые ходы:

1.d4 d5 2.c4 c6 3.cd cd 4.Кс3 Кс6 5. Кf3 Кf6
6.Сf4 e6 7.e3 Cd6 8.С : d6 Ф : d6 9.Cd3 0—0 10.0—0
Cd7 11.Лс1 Лас8 12.a3 a6 13.Сb1.

Разменный вариант славянской защиты, примененный белыми в этой встрече, не сулит им особых надежд, а часто лишь служит безмолвным парламентом, свидетельствующим о желательности начать мирные переговоры. Так, по видимому, понял намерения противника В. Смыслов. Вероятно, полагая, что до оформления ничейного результата надо сделать еще несколько

ходов, он предпринимает первый попавшийся под руки маневр.

13. ...Ka5? 14. Ke5 Kc4 15. K : c4 Л : c4 16. e4!

Выясняется, что 16. ...de 17. K:e4 Л:c1 18. K:f6+ gf 19. Фg4+ ведет к преимуществу белых.

16. ...Фf4 17. g3 Фg4 18. f3 Фh5 19. e5 Ke8 20. Cd3 Лc8 21. f4 Ф : d1 22. Лf : d1 Kc7 23. Kpf2.

У белых явный позиционный перевес. Посмотрите, как изменилось положение за последние пять-шесть ходов. Да и кажущуюся вялость Б. Ивкова как рукой сняло. Используя благодущие противника, он получил хорошие шансы на победу. На 59 ходу партия закончилась выигрышем югославского гроссмейстера.

Нетрудно заметить, что между заманиванием и маскировкой много общего. Однако не следует ставить знака тождества. Если при первом способе сгонь вызывается на себя, противник провоцируется на активные действия и порой теряет голову от успехов наступления, то при втором методе чаще всего спокойная игра на ничью усыпляет наступательные помыслы партнера. Бесхитрый характер борьбы как бы убаюкивает сном благополучия его бдительность.

В результате конкретность и точность мышления на какое-то время притупляются, делается несколько безразличных, вторых по силе ходов, чем немедленно пользуется вдруг пробудившийся от монотонности коварный соперник.

Естественно, приемы психологической борьбы не исчерпываются разобранными выше. Мы рассмотрели лишь некоторые из них.

Глава II

О ЧУВСТВАХ СПОРЯТ

«Ну, шахматы — занятие спокойное, — сказал мне как-то один инженер, — не то, что у нас на заводе». Впрочем, вскоре выяснилось относительно слабое знакомство моего собеседника с шахматами, но все же о его мнении стоит поговорить.

Подчас трудно со стороны представить себе ту бурю переживаний, которые терзают шахматиста за доской. Правда, кое-что заметно и невооруженному глазу. Вот мелкими, быстрыми шагами движется по сцене Марк Тайманов. На его лице целая гамма различных эмоций: тут ожидание и недоверие, тут и решимость, а порой и опаска. А тем временем слышится кашель Алексея Суэтина, однако вмешательство медицины здесь ни к чему — все знают: значит, наступил особенно напряженный момент в партии гроссмейстера.

У многих по мимике, жестам иной раз можно лучше прочесть, что сулит им позиция, чем по демонстрационной доске.

Кажется, все рекорды экспансивности перекрыл один из московских шахматистов. В обычной обстановке это живой, отлично управляющий своим поведением человек. У коллег по научно-

му институту он снискал добрую славу выдержкой и аккуратностью. Но за шахматной доской ученого мэтра не узнать! Однажды, в горячке цейтнота, он так разволновался, что, увидев неожиданный ход партнера, вскричал: «Судья, скорее сюда — скажите, какими я играю?»

Саратовским любителям шахмат подобных примеров тоже занимать не приходится. Достаточно летним вечером подойти к шахматному павильону в «Липках», чтобы получить живую иллюстрацию по теме «Классификация эмоций» из учебника психологии.

Да, заметит читатель, все это так. Но позвольте, тут же возразит он, что же вы ничего не сказали о П. Кересе, Б. Спасском, Л. Портише? У них, сколько ни старайся, по виду не определишь, нравится им позиция или нет. Это мнение тоже совершенно справедливо. Недаром Р. Фишер, наблюдая за поведением Б. Спасского, отмечал, что не поймешь, «то ли он матует, то ли его громят решающей комбинацией».

Впрочем, никакого противоречия в перечисленных случаях нет. Различия во внешнем выражении чувств объясняются индивидуальными особенностями характеров и темпераментов. Ведь шахматисты — люди разные, и на шахматные баталии они переносят свои привычки и манеру поведения.

Однако даже самые невозмутимые внешне тоже выражают свое волнение. На турнире претендентов в Швейцарии в 1952 году один фоторепортер долго не мог найти уязвимое место у

спокойных, и... дело, вероятно, кончилось бы ничем, если бы он не бросил случайного взгляда под шахматные столики. Результатом этого оказалась серия снимков, опубликованная под названием: «Что делают ноги, когда работает голова». Выяснилось, что ноги шахматистов творили удивительные вещи: то медленно переступали, то вдруг сжимались в напряженном ожидании, как бы готовясь к решающему броску, — в общем, спокойными не оставались.

Итак, волнения — непременный спутник шахматных сражений. Хорошо это или плохо?

Ответить однозначно оказывается невозможным. Вспомним удачное начало турнира, радость первой победы, да и просто хорошую позицию — как окрыляют такие удачи, вселяют уверенность и решимость. Хорошее, бодрое настроение вдохновляет на то высшее напряжение сил, которое вызывает «упоение в бою» и мощное проявление творческой энергии.

С другой стороны, разве можно забыть, сколько партий проигрывалось из-за страха перед противником, растерянности и неуверенности в своих силах. Турнирные летописи хранят немало трагических историй, когда шахматиста после поражения как будто подменяли, игра его становилась просто неузнаваемой.

Поэтому волнения волнениям рознь. Природа человеческих эмоций достаточно широка. Одни из них выступают как друзья и помощники, помогают преодолевать трудности, увеличивают энергию и повышают работоспособность, а другие,

которые психология недаром окрестила словами «отрицательные эмоции», проявляют себя яркими недругами и противниками деятельности. В этот черный список можно записать страх, неуверенность, печаль, апатию и т. д.

Как-то И. П. Павлов сказал, что человеку немного надо — только две ложки радости. Это образное выражение имеет глубокий смысл. Значит, человека необходимо зарядить хорошим настроением и освободить от влияния отрицательных эмоций. В шахматной борьбе очень важно иметь ясную голову, не обремененную страхами и сомнениями. Хорошо говорится об этом у Д. Чосера:

Кто властвовать желает над собой,
Тот должен чувства сдерживать порой.

Поэтому большое значение имеет выяснение вопроса о причинах возникновения отрицательных эмоциональных состояний у шахматистов.

Попытаемся начать разговор на эту тему.

КОГДА НЕ ХВАТАЕТ ИНФОРМАЦИИ

Давно известно, что ученье — свет, а неученье — тьма. Применительно к шахматам об этом говорят, когда справедливо ратуют за необходимость планомерной учебной работы до соревнований.

И тем не менее знания, полученные в период общей подготовки, еще не означают, что «свет» достаточен.

Принимая участие в турнире, важно следить за игрой своих соперников, отмечать новое, появившееся в их дебютном репертуаре, качество подготовки и спортивную форму.

Полезно обратить внимание и на дебютную моду турнира, так как часто бывает, что примененный кем-то еще на старте соревнований вариант потом становится частым гостем в партиях даже тех участников, которых раньше вряд ли можно было заподозрить в пристрастии к этому дебюту.

Наличие конкретной информации о противнике уже в соревновательном периоде облегчает борьбу с ним, помогает поднятию боевого духа, вселяет оптимизм и уверенность, столь необходимые в предстоящем напряженном поединке.

Часто данные такой оперативной разведки позволяют с большим эффектом использовать заранее подготовленную дебютную новинку или применить неожиданный для соперника вариант в начальной стадии партии.

Отсутствие данных об игре противника в данном соревновании затрудняет подготовку к встрече, способствует возникновению сомнений и колебаний.

На многих турнирах, особенно командных, когда игра еще только началась, нередко можно видеть тренера или участника, неторопливо передвигающегося между шахматными столиками с блокнотом в руке. Он записывает ход развития чужих партий, выполняя в данном случае вполне корректную роль лазутчика в неприятельском лагере. Главный смысл подобной дея-

тельности состоит в сборе информации, которая поможет ответить на вопрос: «Что можно ожидать от противника?» Ведь знание предстоящего, пусть даже приблизительное, содействует появлению у шахматиста настроения деловитости и собранности.

Интересны воспоминания Я. Рохлина о партии Э. Ласкер — Х. Р. Капабланка, игравшейся в III Московском международном турнире в 1936 году:

«Провожая Капу... и возникает следующий диалог: «Вы завтра играете с Ласкером?» — «Да, я имею черные. Вы сами должны понять, что будет только ничья». — «Жаль, я думаю, что вы напрасно отказываетесь от борьбы».

Далее Я. Рохлин рассказывает, как Капабланка советуется с ним о выборе дебюта. Быстро отвергаются ходы 1...e5 и 1...e6, принесшие кубинцу лишь неприятности в предыдущих встречах с Ласкером. Постепенно выбор останавливается на сицилианской защите.

Они вдвоем рассматривают последние новшества этого дебюта, а затем Капабланка дает понять собеседнику, что хочет подготовиться наедине.

Сейчас трудно гадать, о чем думал кубинец после ухода Я. Рохлина. Вероятно, он не забыл просмотреть партии, сыгранные Ласкером в четырнадцати закончившихся турах соревнования.

Давайте и мы сделаем аналогичный анализ, который тридцать лет назад, по-видимому, опре-

делил дебютный выбор и тактику игры Капабланки со своим старым противником.

Перед нами семь партий, где Ласкер имел право первого хода. Все они были начаты движением королевской пешки на два поля вперед — 1.e2 — e4, так что этого и следовало ожидать почти наверняка. В четырех встречах была применена французская защита, а в одной — дебют, носящий имя А. Алехина. Капабланка сравнительно редко играл эти начала, да к тому же анализ показывал, что белые в них выбирали малоизученные, спорные продолжения, подготовиться к которым за несколько часов было непросто. К тому же характер возникающей в них борьбы, на верное, не привлекал Капабланку.

Оставались еще две партии — с Н. Рюминым и В. Рагозиным, в которых встретились сицилианская защита. Первую из них Ласкер выиграл, а во второй потерпел поражение. Однако даже не конечный результат был важен. Более существенным казалось то, что в обеих партиях белые неприятно играли дебютную стадию и чуть ли не добровольно отдавали инициативу противнику.

Эти примеры, без сомнения, подсказали Капабланке целесообразность выбора сицилианской защиты.

Возможно, он вспомнил и не очень уверенную игру Ласкера в этом турнире, особенно в позициях, где промедление смерти подобно, и решил, что сицилианское начало для такой борьбы подходит лучше всего.

И вот час настал. Зал переполнен, все с не-

терпением ждут начала встречи знаменитых гроссмейстеров. Ласкер уже сидит за столиком.

Я. Рохлин пишет: «Его живые, глубоко пронизательные глаза смотрят внимательно и настроенно... Проходит 2—3 минуты... а Капы еще нет. Неужели он все-таки готовится к партии? Но вот появляется Капабланка, как всегда обаятельный и приветливый. Он быстро делает первый ход. Сицилианская! Я с трудно скрываемым любопытством и волнением слежу. Что ожидает эту партию?.. Быстро следуют ходы. Капа вдруг встает, подходит ко мне, здоровается, но не говорит ни слова. Лицо его невозмутимо. И только после девятого хода черных кубинец издала упорно смотрит на меня, ловит мой взгляд и едва заметно мигает глазом... Сделаны еще три-четыре хода. Капабланка в ударе, он играет с большой силой и вдохновением. Ласкер, тончайший шахматный психолог, видимо, не ожидал подобной активности со стороны противника. Борьба продолжается, Ласкер усложняет игру, он защищается отчаянно и упорно, но последствия блестящего маневра черных начинают сказываться».

Капабланка одержал победу. В этом результате значительную роль сыграла, как нам кажется, специальная подготовка, проведенная перед партией. Сомнения, одолевавшие Капабланку накануне вечером, были как рукой сняты, когда игра началась.

Конкретная информация о противнике позволила лучше решить проблему — что и как делать в предстоящей партии. А принятое тщательно

продуманное решение подняло веру в себя, приободрило, воодушевило. Поэтому и «темным силам» отрицательных эмоций — страху, напряженности, колебаниям — пришлось отступить.

Поучительны высказывания М. Ботвинника о решающей встрече с А. Котовым на финише XI первенства СССР. Перед последним туром оба соперника имели равное количество очков, и победа в заключительный день сулила каждому из них титул чемпиона страны.

Естественно, что оба серьезно готовились к этой партии. М. Ботвинник после долгих колебаний остановил свой выбор на защите Нимцовича. Он верно предположил и направление подготовки соперника: «Котов внимательно наблюдал за моей игрой в турнире. Он видел, как я разыграл защиту Нимцовича в партии с Макогоновым, и заметил, что при избранном мною порядке ходов может перевести игру в защиту Рагозина, до сих пор расцениваемую «теорией» к выгоде белых. На этом свои анализы Котов, вероятно, и закончил. Я же подготовку продолжил, посмотрел несколько партий, иггранных защитой Рагозина, и пришел к выводу, что она дает черным равные шансы».

Так и случилось. Защита Нимцовича вскоре перешла в дебютную систему, носящую имя Рагозина. Котов стал чувствовать себя неуверенно, допустил одну ошибку, по инерции еще одну и, растерявшись, проиграл.

Остановимся на вопросе качества информации, использованной при подготовке. И М. Ботвин-

ник и А. Котов предполагали возможный переход партии в защиту Рагозина, но отнеслись к этим сведениям по-разному. Если М. Ботвинник проверил имевшуюся на тот день развития теории информацию, то его партнер ограничился лишь мнением руководства. В итоге поверхностное знакомство А. Котова с тонкостями опальной в теории системы привело к трудностям во время игры. При обдумывании он, по-видимому, убеждался, что имевшиеся стандартные оценки не так уж справедливы, пытался как-то выбраться из тупика, а часы тем временем отсчитывали минуту за минутой. Возникло беспокойство, неуверенность, и появление непоправимых ошибок не заставило себя долго ждать.

Количество имеющейся информации, широта знаний, эрудиция, безусловно, необходимы, но ограничиваться только этими моментами в поисках лучших путей подготовки и положительной психологической настройки шахматиста было бы слишком односторонне.

Международный мастер Г. Лисицын рассказывал, что при подготовке к XVI чемпионату СССР он просмотрел около трех тысяч партий. Ленинградец успешно провел соревнование, закончив его с результатом 9,5 очка из 17. Но, разумеется, только шуткой оставались комментарии шахматных обозревателей, которые сетовали, что «проработай Лисицын еще пару тысяч партий, и первый приз оказался бы у него».

Здесь мы вновь касаемся вопроса о качестве необходимой информации. Очевидно, эффектив-

ная подготовка зависит от соблюдения разумной меры, правильного соотношения между количеством и качеством шахматных знаний. Уместно вспомнить девиз «побеждать не числом, а умением».

«Для одного состязания вполне достаточно трех-четырёх дебютных систем за белых и такого же числа за черных. Но эти системы должны быть **хорошо** подготовлены. Если мастер не имеет в своем арсенале таких систем, он вряд ли может рассчитывать на хороший спортивный результат», — писал М. Ботвинник.

Этими соображениями и следует руководствоваться при подготовке к турниру. Выработанные схемы должны быть тщательно проверены в тренировочных партиях или в анализе с напарником. Эта кропотливая, нелегкая работа не останется без вознаграждения. Суворовский принцип «трудно в ученье — легко в бою» находит свое признание и в шахматной деятельности.

Действительно, как тяжело играть в турнире, как неуверенно себя чувствуешь, когда за плечами нет достаточной теоретической подготовки.

Из своей практики хотелось бы привести в качестве примеров два международных турнира, посвященных памяти М. И. Чигорина, в Сочи, в 1964 и 1965 годах.

К первому из них я подготовился вполне удовлетворительно. Несколько дебютных схем было изучено довольно глубоко. Кроме того, я много анализировал свои последние партии, изучал творчество будущих противников. На соревнова-

ние я ехал с чувством оптимизма, веры в свои возможности. Большая предварительная работа позволяла ограничиваться перед очередным туром сравнительно небольшой индивидуальной прикидкой относительно выбора оружия против данного партнера. Во многих партиях уверенность в своих знаниях помогала успешно преодолевать волнение.

Помню, как даже невозмутимый Б. Спасский был обескуражен, встретившись после 1.e4 e5 2.f4 с моим быстрым ответом 2...Kf6! Минут на сорок он задумался и, если верны мои наблюдения, с чувством удивления взирал на доску.

Вариант со вторым ходом черных Kf6 редко применяется в соревнованиях. Лет пятьдесят тому назад он встретился в партии М. Чигорин — О. Бернштейн, а в последние годы была известна встреча Д. Бронштейн — О. Бернштейн. Готовясь к турниру, я предполагал возможность применения королевского гамбита Б. Спасским и другими участниками. Я внимательно проанализировал это полузабытое продолжение и нашел, на мой взгляд, вполне удовлетворительные пути защиты за черных. Вместе с группой саратовских шахматистов мы проверили анализы и пришли к выводу: так играть можно! И я с легкой душой пошел на подготовленный вариант во встрече с грозным соперником.

Далее в партии последовало: 3.Kf3 d5 4.fe K : e4 5.d3 Kc5 6.Ce3 Cg4 7.d4 Ke6 8.c4 Cb4+ 9.Kc3 c5 10.cd Ф : d5 11.dc C : f3, и по дебюту у черных получилась хорошая позиция. После на-

пряженной, — правда, небезошибочной с обеих сторон — борьбы эта встреча закончилась вничью.

Думаю, что одной из причин такого результата была удачная для меня предварительная дебютная подготовка и возникшее вследствие этого настроение уверенности и спокойствия.

В том же турнире хорошую службу мне сослужил проведенный еще в домашней лаборатории детальный анализ варианта 1.d4 d5 2.c4 dc 3.Kf3 Kf6 4.e3 Cg4 за белых. Такая система становилась модной в то время, и не надо было обладать большой проницательностью, чтобы предположить, что она встретится в партиях турнира. Я тщательно разобрал некоторые позиции варианта и в конце концов остановил свой выбор на методе развития с Kc3 и дальнейшим проведением e3 — e4. Такой путь казался мне наиболее соответствующим моему стилю игры.

Югослав М. Дамянович, играя со мной черными, как раз и избрал этот вариант. В итоге белым удалось получить дебютное преимущество и, что, пожалуй, еще важнее, создать позицию в нравившемся им духе. После нескольких начальных ходов я чувствовал себя явно на подъеме, так как на доске получалось то, к чему я стремился. Мне удалось выиграть партию. И опять-таки успехом я во многом был обязан «скучной» домашней работе.

К сожалению, перед турниром 1965 года мне не удалось повторить хороший опыт подготовки, и на берег Черного моря я прибыл со старым теоретическим багажом.

Речь, конечно, не могла идти о коренном изменении дебютного репертуара: к этому надо подходить весьма осторожно. Но кое-что «подремонтировать» из прежних систем было необходимо, ибо теория шахмат не стоит на месте и многое за год изменилось.

Дело, естественно, не в том, что я целый год не читал текущей шахматной литературы. Нет, я довольно регулярно следил за новостями шахматной прессы. Но все эти сведения не были переработаны и проверены. У меня не сложилось еще своего мнения по появившимся за год теоретическим проблемам, так как я серьезно не работал над ними.

Перед турниром меня обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, внутренний голос успокаивал: мол, то, что было хорошо год назад, и сейчас не подведет, но, с другой стороны, я понимал, что во многих вопросах, ранее казавшихся ясными, я теперь не могу быть уверенным до конца.

Довольно пессимистические прогнозы оправдались уже с первых туров. На старте мне предстояло черными играть с пермским мастером Ю. Котковым. Он известен как большой специалист за белых в испанских и сицилианских дебютах. Раньше бы я без колебаний избрал с ним свое «тайное» оружие — острый вариант в сицилианской защите: 1.e4 c5 2.Kf3 d6 3.d4 cd 4.K : d4 Kf6 5.Kc3 a6 6.Cg5 e6 7.f4 Фb6. Эту систему я детально изучил год назад. Однако за последнее время здесь появилось новое, к чему я не был подго-

товлен. А играть такую сложную позицию с форсированным ходом развития событий без уверенности в добротности материала я не решился. Что же делать? Подумывал я об испанской партии, но опять-таки не был уверен в достоинстве ряда систем, так как не успел их проверить перед турниром.

В результате сомнений и колебаний я «из огня угодил в полымя»: надумал играть французскую защиту, которую почти не применял в серьезных турнирах. Ю. Котков очень быстро доказал поверхностность моего понимания позиций этого дебюта и добился большого преимущества. Лишь по счастливой случайности мне удалось спастись в цейтноте противника. Партия закончилась вничью.

Неуверенность из-за плохой предварительной подготовки сопровождала меня весь турнир. Только благодаря выдержке, проявленной в отчаянной защите ряда, мягко говоря, подозрительных позиций, мне удалось закончить соревнование с благополучным спортивным результатом — занять четвертое место.

Говоря о шахматном и психологическом значении теоретической подготовки, хотелось бы остановиться еще на одном частном, но важном вопросе о количестве времени, нужном для конкретной прикидки перед очередным туром.

Дать какой-либо единый совет здесь вряд ли возможно. Ведь многое зависит опять-таки от качества предварительной подготовки и индивидуальных привычек шахматиста. Все же сказать

о некоторых крайностях, еще бытующих в практике соревнований, следует.

Мне вспоминаются собрания участников командных турниров, начинавшиеся рано утром и часто заканчивавшиеся только к середине дня. Причем наставники команды совершенно искренне полагали, что чем детальнее будет предтуровой анализ, тем более вооруженным выйдет шахматист на борьбу.

Конечно, если бы в шахматы играли роботы, то возражать на это не приходилось бы. Но, поскольку за доской сидят живые люди, подобная нагрузка на их нервную систему и психику перед предстоящей пятичасовой игрой пользы приносит мало. Длительный анализ, как правило, вызывает утомление, апатию, притупление остроты мысли во время игры.

К сожалению, такой режим нередко практикуют и опытные мастера в индивидуальных турнирах.

Да, охрана труда еще не добралась до энтузиастов шахматных заседаний!

М. Ботвинник рекомендует тратить на предтуровой анализ 25—30 минут. При хорошей общей предварительной подготовке, тренированности больше, по-видимому, и не нужно.

Мы довольно подробно осветили роль количества и качества шахматных знаний в готовности к соревнованиям, их влияние на эмоциональное состояние шахматиста.

Наряду с шахматной информацией большое значение для поднятия эмоционального и воле-

вого тонуса участника имеет наличие достаточной психологической информации о настроениях противника, его целях в данной партии, об оценке им своего турнирного положения и т. д.

На межзональном турнире 1955 года в Гетеборге встреча Г. Иливицкий — Ж. Гимар была отложена в острой позиции с двумя лишними пешками у белых. Мы долго анализировали позицию и пришли к выводу, что играть на выигрыш Иливицкому не стоит, так как тогда контратака аргентинца может стать очень опасной. Вначале свердловчанин был согласен с такой оценкой, но потом он изменил свои планы. Г. Иливицкий впоследствии рассказал, что решил стремиться к победе, вспомнив неудачи, преследовавшие Ж. Гимара в предыдущих турах, его внешний вид как будто бы совершенно не заинтересованного в результате партии шахматиста, который уже махнул рукой на несчастливо сложившееся для него состязание.

Я помню доигрывание этой злополучной партии. Партнеры задумались. Г. Иливицкий точит взором левый край доски в районе ферзевого фланга, а аргентинец тоскливо, казалось бы, без искорки интереса, смотрит на позицию. Создается впечатление, что полузакрывший глаза Ж. Гимар дремлет. Но вот Г. Иливицкий избирает активный и очень ответственный план. Ж. Гимар встрепенулся. Его уже не узнать, взгляд становится решительным, он думает несколько минут и уверенно делает ход, отвергающий какие-либо компромиссы: не заботясь о проходных пешках

противника, аргентинец начинает нападение на короля белых. Видно, как он жаждет битвы, мечтает хоть в этой партии взять реванш за те обиды, которые ему пришлось испытать от многих участников.

В этот момент Г. Иливицкий еще мог остановиться, по-здоровому рассудить и форсировать ничью, но он, вероятно, находился под гипнозом внушенных самому себе представлений о Ж. Гимаре. Наступление белых опрометчиво продолжилось, однако через два-три хода выяснилось, что атака Ж. Гимара на королевском фланге неотразима. Пришлось сдаться. Обескураженные, мы возвращались в гостиницу. «Вот тебе и благодущный Гимар», — вертелось в мыслях.

Впрочем, винить надо было себя. Мы с Г. Иливицким анализировали партии Ж. Гимара, смотрели дебюты, а перед доигрыванием и отложенную позицию, но совсем не обратили своевременно внимания на ту настойчивость, с которой он бился в каждой партии, на его упорство, возмставшее каждый раз, когда ему становилось туго. Все это было подмечено, но, к сожалению, слишком поздно, уже после партии.

Из-за этого рокового пол-очка талантливый свердловский шахматист оказался за бортом турнира претендентов на первенство мира.

ЦЕЙТНОТ

В цейтноте особенно ярко проявляются переживания шахматиста.

В переводе с немецкого слово «цейтнот» озна-

чает нужду во времени. И порой нужду такую, что просто диву даешься, когда видишь, с какой космической скоростью перемещаются фигуры по шахматной доске.

Сколько прекрасных позиций, глубоких замыслов сводил на нет этот бич шахматистов! Падение контрольного флэжка часто ставило неумолимую точку там, где самая интересная борьба была еще впереди. Многие шахматисты испытали на своем веку цейтнотные муки; некоторые же, наиболее рьяные цейтнотчики, вошли в историю шахмат.

В прошлые времена отличался немецкий грое-смейстер Ф. Земиш. В одном турнире он из девяти партий в пяти умудрился просрочить время. Впрочем, утверждают, что это еще не его личный рекорд!

Мастера современности порой успешно конкурируют с Ф. Земишем. Недаром говорят, что игра американца П. Бенко после пятнадцатого хода напоминает ковбойский кинобоевик. П. Бенко играет в шахматы лет двадцать пять, и его мемуары, пожалуй, по праву можно было бы озаглавить «Двадцать пять лет в цейтноте». На доске в эти секунды цейтнота творится что-то неопи-сваемое. Тут уже не до глубоких планов — лишь бы успеть, лишь бы сделать ходы: неважно какие, но в положенном числе.

Что делает цейтнот с вполне «нормальными» позициями, как он искажает замыслы и игру шахматиста, иллюстрирует пример из партии Р. Нежметдинов — Ю. Котков, сыгранной в Сочи в 1965 году (см. диаграмму на стр. 86).

Белые за пожертвованную фигуру имеют три пешки. Но в данном случае это недостаточная компенсация, так как у противника отличные возможности контратаки, а пешка h7 в эндшпиле обречена на гибель. Однако на часах Ю. Коткова оставалось менее двух минут, а предстояло сделать еще шестнадцать ходов. В партии последовало:

24. ...Лf8.

Лучше 24. ...Лg4 или Кf8.

25. Кс3 Лff7 26. Фh5 Кf8.

Заслуживало внимания 26. ...К : e5 с грозной контратакой.

27. g4 fg?

Лучше 27... Фс6!

28. Л : g4 Л : g4 29. Ф : g4 К : h7 30. Ф : e6 Cf8?

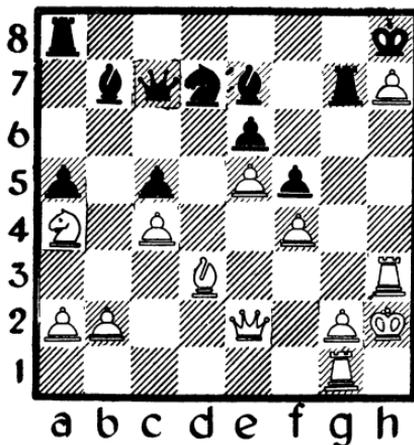
Необходимо было 30. ...Фс6 31. Ф : с6 С : с6 32. Кd5 Cd8.

31. Фе8 Кpg8 32. Cf5 Kg5 33. fg Л : f5.

В этой, уже совершенно безнадежной, позиции черные просрочили время, и им было засчитано поражение.

В рядах зрителей, наблюдавших за игрой Ю. Коткова в цейтноте, буквально стон стоял. Действительно, что ни ход, то мимо!

Конечно, не каждый раз игра в цейтноте со-

провождается ошибками, но обычно качество шахматного творчества здесь резко снижается. Приведенный пример не исключение.

Я всегда с волнением слежу за партиями минского мастера Г. Вересова. В начале тура он невозмутим и нетороплив. С философским спокойствием он взирает на доску, хотя часы неумолимо пробегают один круг за другим.

Но вот Г. Вересов бросает опасливый взгляд на циферблат. Основания для беспокойства есть: остались считанные минуты, а ходов надо делать еще уйму — двадцать, а то и больше. Начинается гонка.

Как-то минский шахматист в партии со мной на командном первенстве СССР 1954 года просрочил время примерно на двадцать пятом ходу!

Однако Г. Вересову надо отдать должное. В цейтноте он преобразуется: становится собранным, решительным и играет, как правило, хорошо, но все же и у него цейтнот часто творит свое черное дело с благоприятными позициями.

А некоторые неисправимые цейтнотчики сами психологически не выносят острого недостатка времени. Так, казанский кандидат в мастера Е. Еремин при взгляде на повисший горизонтально флажок порой забывает о доске, фигурах, партии. Со стороны кажется, что в этот момент он лишь зачарованно смотрит на колеблющуюся стрелку и вздохом облегчения провожает падение контрольного флажка.

Может быть, слишком строги шахматные правила, спросит читатель. Не стоит ли увеличить

время на обдумывание? Пробовали идти и по такому пути. Но любители поразмыслить думали дольше... и регулярно попадали в цейтнот. Выяснилось, что это не решение вопроса.

Но почему же такие сильные, опытные шахматисты, как С. Решевский, П. Бенко и многие другие, не могут заставить себя думать поменьше и играть побыстрее на протяжении всей партии? Ведь когда необходимость заставляет, в цейтноте, они делают ходы молниеносно. Разве они враги сами себе?

Здесь мы выскажем наши соображения о причинах, вызывающих цейтнот, и о мерах борьбы с этим бедствием шахматистов.

Мы не будем сейчас рассматривать отдельные, нехарактерные для того или иного шахматиста случаи, когда крайне тяжелая позиция или неожиданная дебютная новинка противника приводили его в клан цейтнотчиков. Не будем говорить также о ситуациях, по поводу которых М. Ботвинник писал: «Во время партии бывают моменты, когда следует тщательно изучить позицию; приходится расходовать лишние 20—30 минут на обдумывание и следующие ходы до контроля времени делать уже быстрее. Это «нормальный» цейтнот, от него я и не собираюсь отказываться».

Обратимся к тем шахматистам, для которых цейтнот не исключение, а норма поведения за доской. У них часто наблюдается напрасная трата драгоценного времени. Какое-либо заведомо непригодное продолжение, соблазнительная, но

неприемлемая возможность так привораживают мысль шахматиста, что не хватает решимости отказать от расчета этих вариантов и сделать трезвый выбор.

М. Ботвинник дает совет, как бороться с подобным явлением: «Я приучил себя к экономному расходованию времени и эту проблему разрешил удовлетворительно, иногда даже сознательно снижая качество своей игры. Другого пути не было, — как иначе приучить себя беречь минуты?.. Я давно уже советовал нашим мастерам, систематически попадающим в ужасный цейтнот, один путь борьбы с этим недостатком. Надо играть тренировочные партии и при этом обращать внимание в первую очередь на часы, а не на качество игры... Думаю, что этим методом 90 процентов страдающих «цейтнотной болезнью» полностью были бы излечены, за исключением, конечно, «безнадежно больных».

Эти советы экс-чемпиона мира, безусловно, имеют определенную методическую ценность, но мало говорят нам о причинах цейтнотных болезней. Ведь для нормального лечения нужен правильный диагноз.

Интересно познакомиться с другим мнением. Его высказывает Ю. Авербах: «Мой личный опыт говорит, что цейтнот — отнюдь не неумение распорядиться временем, а либо недостаток характера, связанный с нерешительностью, либо недостаток практики, а отсюда связанная с этим неуверенность.

Шахматист попадает в цейтнот не потому, что

он не умеет распределять время, а, как правило, потому, что он недостаточно уверен в себе, не доверяет своему расчету и многократно проверяет одни и те же варианты.

Хотя метод Ботвинника и чрезвычайно прост — нужно играть тренировочные партии, обращая главное внимание на часы, но мне он кажется недостаточно эффективным и слишком поверхностным.

Правда, сам Ботвинник говорит, что этим методом 90% страдающих «цейтнотной болезнью» полностью излечивается... Если это так, то, по-видимому, я отношусь к этим 10%, но мне кажется, что сюда же следует отнести и автора этого метода».

К словам Ю. Авербаха стоит прислушаться. Они указывают на то, что причины болезни не так уж просты, на поверхности их не обнаружишь.

Эти причины стоит искать в психологии человека, а точнее, в эмоционально-волевой сфере характера.

Что же вызывает хронический перерасход времени при обдумывании ходов? Систематический отказ от принятия решений, постоянная неуверенность даже в очевидном, сомнения, колебания и... если бы наша (то есть ваша, цейтнотчики) воля, то ход так бы и не последовал.

Да простят мне любители шахмат, но здесь просится на страницы для сравнения старинная история о Буридане и его осле. Уезжая, хозяин оставил в конюшне две совершенно одинаковые

связки сена, расположенные на равном расстоянии от стойла. Осел долго колебался, какую же связку предпочесть, к какой из двух направить. Так и не смог он сделать выбор и, бедняга, окошел с голоду.

Нерешительность, неверие в свои силы, сопровождаемые страхами и сомнениями, как дамклов меч, висят над творчеством пораженных цейтнотной болезнью.

Я как-то наблюдал за игрой двух известных «специалистов» в этой области с шахматистами, не отличающимися пристрастием к цейтнотному делу. В обеих встречах времени у каждого участника было в обрез: на пятнадцать ходов оставалось по 10—15 минут, причем борьба носила форсированный характер, по-видимому, рассчитанный заранее.

Вот краткий хронометраж событий:

Партия № 1. А. (цейтнотчик) первый ход делает за 50 секунд; его противник за 15; второй ход — соответственно 30 и 6 секунд, третий — 40 и 10 секунд и т. д.

Партия № 2. Б. (любитель цейтнотов): первый ход — 1 минута, его противник — 20 секунд, второй — 35 секунд и 30 секунд, третий — 40 секунд и 5 секунд и т. д.

Цейтнотчики, вероятно, подсознательно сопротивляются даже почти полной, практически стопроцентной очевидности. Это как раз наблюдалось в приведенных примерах, где игра развивалась форсированно, обязательно для обеих сторон.

На мой вопрос: «О чем вы думали?» — мастер А. ответил следующее: «В тот момент, когда партия вступила на форсированный путь, меня вдруг начали беспокоить сомнения, окажется ли моя позиция достаточной для выигрыша, и поэтому мысли невольно возвращались к положению ходов за шесть назад. Вместо того, чтобы быстрее отвечать противнику, я мучался над вопросом: мог ли я раньше сыграть сильнее».

Мы видим, как невысок был коэффициент полезного действия мышления у А. Ему не хватало той волевой целенаправленности, которая движет мысль по нужному в данный момент пути без отвлечений и напрасных переживаний о том, что уже безвозвратно прошло.

Как, наверное, заметил читатель, проблема цейтнота оказалась не такой простой, и ее решение во многом зависит не только от шахматных причин.

К тому же цейтнот нельзя считать лишь шахматным явлением, так как случаи «жизненных цейтнотов» встречаются на каждом шагу.

Здесь уместно вспомнить студента, час за часом откладывающего повторение материала перед экзаменом, или любителей штурмовщины, «оживающих» в последние дни перед сроком выполнения плана.

Неумение и нежелание принять решение своевременно становится привычкой, системой поведения человека. Он живет в добром согласии со старым афоризмом: «Зачем сегодня стараться

выполнить то, что можно сделать завтра». Легко представить себе тот вред, который принесло бы широкое распространение цейтнотной болезни в различных областях деятельности.

Поэтому можно понять и шахматистов, стремящихся избавиться от грозного врага — цейтнотной болезни. Поскольку цейтнот — проявление свойств характера, то в нем и надо искать способ лечения. Мне ответят: «Легко сказать!» — Да, несомненно, выполнить труднее.

По-видимому, успешно бороться с затянувшейся раскачкой, цейтнотом и прочими состояниями несобранности можно лишь при условии строгого самоконтроля за выполнением намеченного. Нельзя развить решительность, уклоняясь от принятия решений.

Х. Р. Капабланка писал: «Вы должны быть решительным в ваших суждениях. Если вы думаете, что ваш ход хорош, — делайте его. Опыт — лучший учитель. Многие, придумав во время игры какой-нибудь маневр и считая его хорошим, боятся сделать его. Напрасно! Вы должны решиться и без всяких колебаний сделать то, что вам кажется хорошим». Сказано о шахматах, но как уместны были бы эти слова в руководствах по психологии характера!

Не впадая в преувеличения, можно сказать, что сознание ответственности — стержень человеческого характера. От развития этого качества зависит очень многое в деятельности людей, в том числе и такое явление, которое мы называем словом «цейтнот».

Итак, ключ проблемы в самом человеке, его характере.

Однако характер человека формируется и развивается в деятельности, в том числе и шахматной. И нам кажется не лишним остановиться на некоторых практических приемах, используемых шахматистами в борьбе с цейтнотными заболеваниями.

Весьма полезной оказывается хорошая теоретическая подготовка. В частности, удачная дебютная прикидка перед туром позволяет сэкономить немало времени в партии, поднимает уверенность и работоспособность шахматиста. Гроссмейстер Л. Полугаевский одной из причин возникновения у него цейтнотов называл недостаточную дебютную подготовку. После проделанной в этом направлении тщательной работы с проблемой часов у Л. Полугаевского стало легче.

Далее, наряду с теоретическим образованием ценным оказывается и развитие общей оценочной способности шахматиста. Эта фраза требует пояснения.

Давайте задумаемся над тем, как мыслит высококвалифицированный шахматист (допустим, кандидат в мастера или мастер) во время партии. Вот противник делает ход. На доске возникает возможность избрать один из, предположим, двадцати более или менее разумных вариантов. Но мастер не обдумывает все двадцать, примерно десять сразу им отбрасываются как явно непригодные, а из оставшихся он постепенно выбирает единственное решение. Деление вариантов на

«чистые и нечистые» производит интуиция, то есть обобщение в сознании прошлого опыта, в том числе и ряда мелких, подчас трудно учитываемых и улавливаемых факторов.

Действительно, если интуиция будет развита тоньше, то сразу забракуется, как в рассмотренном примере, не десять вариантов, а, допустим, семнадцать из двадцати. Останется всего три, а значит, и столкновений противоположных мотивов для принятия решения останется, говоря арифметически, значительно меньше. Поэтому и почва-то для возникновения неуверенности и прочих отрицательных эмоций поубавится.

Развитие шахматной интуиции определяется опытом шахматиста и, что, пожалуй, главное, умелым обобщением этого опыта. Обобщение указанного потока шахматной информации и есть то, что мы называем способностью оценки позиции. Следовательно, развитие абстрактного, логического мышления шахматиста служит верным помощником против цейтнотов.

Хочется вспомнить добрым словом такие замечательные книги, как «Моя система» А. Нимцовича, «Вопросы современной шахматной теории» И. Липницкого, труды М. Ботвинника, Х. Р. Капабланки, А. Алехина, оказывающие неоценимую помощь в формировании способности понимания позиции.

Заканчивая наши ссылки на дебютную подготовку и интуицию, как противоцейтнотные средства, мы опять должны вернуться к отрезвляющему «но».

И это так. Шахматный мир знал немало блестящих теоретиков, наблюдал богатую интуицию многих шахматных асов, но он часто видел их и в острейших цейтнотах. Примеров тому изрядное количество.

Кто не слышал об энциклопедических познаниях гроссмейстера Д. Бронштейна, о его великолепной интуиции и ... почти неразлучных с ним цейтнотах.

Так что, возвращаясь к сказанному выше, вновь повторим: цейтнот — это далеко не только шахматы, а главным образом человек, о котором психология поведала пока еще далеко не так полно, как теория многих вариантов ферзевого гамбита.

Часто цейтнот сравнивают с блицем, с так называемыми молниеносными партиями — пятиминутками и трехминутками.

Бытует мнение, что искусство в блицпартиях помогает игре в цейтноте.

Думается, что общего между ними не так уж много и основное сходство, вероятно, состоит в наличии ограниченного лимита времени для обдумывания. «Гораздо легче сыграть молниеносную партию за одну минуту, чем в серьезной матчевой партии найти верный ход за пять или даже десять минут», — писал Д. Бронштейн.

Шахматное и психологическое содержание игры в блиц и при цейтноте неодинаково. К тому же и их значимость несоизмерима.

Если цейтнот является этапом развития шахматного и психологического поединка двух

противников, вольно или невольно связан с планами и логикой борьбы, проходившей в нормальном, то есть доцейтнотном периоде, то блиц — лишь краткий эпизод, где творческая сторона шахмат в лучшем случае носит поверхностный характер, а эмоциональное напряжение невелико, так как моральное и спортивное значение блицпартий несравнимо с результатами турнирных встреч. Часто молниеносная партия является хаотическим нагромождением фрагментов отдельных замыслов и планов, лишь внешне отдаленно напоминающим серьезную шахматную борьбу.

Если позволено будет сравнить шахматиста в цейтноте со скупцом, который вдруг оказался вынужденным под конец своих дней пустить на ветер накопленные богатства, то блиц — это задача, как побыстрее растратить неожиданно свалившееся наследство, ради получения которого и пальцем не пришлось пошевелить.

Иными словами, в цейтноте часто расстаешься с плодами длительного труда, а в блице, почти не трудясь, легко можно приобрести шахматное богатство и так же легко потерять.

Тем не менее многие шахматисты любят играть в блиц. Трудно объяснить такую приверженность лишь отрицательными особенностями молниеносных партий.

Чем же привлекателен блиц? Думаю, что прежде всего игровым моментом, с характерными для него быстрыми сменами эмоциональных состояний. И, в отличие от серьезных партий, это

скорее состояние нервной разрядки, а не напряжения.

Из всех видов шахматной деятельности — турнирной, этюдной и т. д. — блиц больше других игра, где моменты науки и искусства отходят на второй план.

Все же сочетание блица с серьезной игрой, как правило, вредит.

Однако и молниеносные партии имеют учебно-тренировочное значение. В них отрабатывается быстрота реакций на изменения позиции, что бесполезно для развития переключения внимания, особенно в цейтнотах. Далее, в блице в какой-то степени могут проверяться дебютные варианты, а шахматист, который давно не играл в серьезных турнирах, благодаря блицу быстрее восстанавливает рабочее состояние шахматного мышления.

Спустя много лет я не могу забыть своей партии с Р. Холмовым из полуфинала первенства СССР в Ленинграде в 1955 году. Моя позиция была приятной, Р. Холмов надолго задумался и оказался в довольно сильном цейтноте. Его цейтнот так меня разволновал, что я полностью потерял контроль над своими мыслями. Имея достаточно времени для обдумывания, я вдруг решил посоревноваться с противником — кто быстрее? И фигуры замелькали по доске. Такая поспешность к добру не привела. В суматохе я наделал несколько ошибок и отложил партию без шансов на спасение.

А вот перед нами позиция (см. диаграмму на стр. 99) из восьмой партии матча М. Ботвинник — М. Таль (1960 год).

Последовало:

34. .. Лb : с8??

Предоставим слово М. Талю: «Последние ходы я делал моментально — будучи захвачен цейтнотным ритмом противника».

У М. Ботвинника в этот момент оставалось три минуты до контроля, а у М. Талья тринадцать минут (!) на 6 ходов, и все же решившую партию ошибку делает именно М. Таль. Далее было:

35. Ка5 С : е2 36. Л : е2
К : с3 37. Л : с3! Л : с3
38. К : b7 Л : е3?

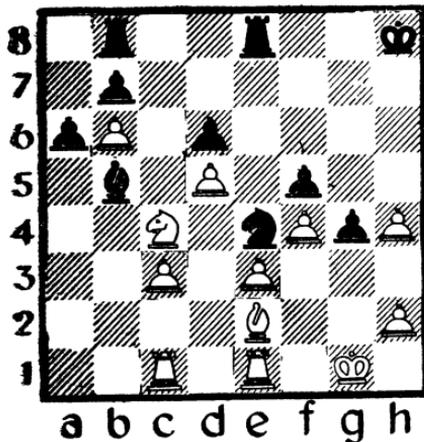
Еще один промах в горячке использования цейтнота противника.

39. Л : е3 Л : е3 40. К : d6

Лd3 41. Кf7+, и черные сдались.

Так еще раз повторилась старая ошибка — быстрая игра в цейтноте противника.

В такие моменты обуюнного жаждой пожить в во время чужого несчастья чаще всего ждет фиаско. Оно и понятно, так как имеющий достаточно времени шахматист выходит из спокойного ритма и как бы уравнивает себя во времени с партнером. Но партнер-то психологически подготовлен к дефициту времени, он знал, на что шел, поэтому он как бы весь внимание, а его оппонент оказывается явно не в своей тарелке.

Конечно, недостаток времени у противника можно попытаться использовать, но только в позициях, где имеются форсированные продолжения. Следует основательно продумать форсированный вариант, детально его проверить и потом серию обязательных ходов делать быстро. А играть так же быстро, как и противник, имея за душой один ход, совершенно нерационально.

В цейтноте противника надо сохранять спокойствие. Помните: он волнуется больше вас. Никаких соревнований в скорости устраивать не надо. Лишнее (и очень нужное) время стоит использовать разумно.

Я остановился на этом моменте не случайно. Если в практике гроссмейстеров такие ошибки единичны, то в турнирах перворазрядников это желание «перегнать» цейтнотчика встречается очень часто. И сколько раз приходилось наблюдать, как такой «спринтер» вдруг в отчаянии хватался за голову, допустив грубую ошибку.

Итак, когда у противника мало времени — не торопитесь. Будьте особенно осторожны. Помните, что вашему противнику терять нечего и к тому же на поспешный, непродуманный ход он быстрее найдет нужный ответ.

О ТУРНИРНОЙ ТАКТИКЕ

Споры о сущности шахмат не утихают и по сей день. Что это такое? Спорт, наука, искусство? Не будем сейчас заниматься полемикой. Важно

отметить лишь то, что творческое содержание шахмат неразрывно связано со спортивным результатом — очком, половинкой и нулем в таблице. И от этого никуда не уйдешь! Поэтому во всяком соревновании, в каждой партии «заинтересованные» лица ставят определенные спортивные цели. Претендент мечтает завоевать 12,5 очка и стать чемпионом мира, а перворазрядник думает, как выполнить норму кандидата в мастера.

У каждого шахматиста, независимо от силы игры, есть свои спортивные надежды и планы. Эти планы совершенно конкретно и определенно относятся к каждой очередной партии. Особую значимость приобретают некоторые встречи, чаще всего на финише, когда, как говорят, отступить некуда и надо, к примеру, 2 очка из 2 возможных, чтобы стать мастером. Такая целевая направленность партий создала в шахматах понятия «игра на ничью», «игра на выигрыш». Здесь, сознаюсь, моя рука чуть было не поставила буквы «и т. д.». Но, спохватившись, что «и т. д.» может означать только третий результат — проигрыш, я не совсем уверенно вывел точку. Читатель поймет мои сомнения, когда прочтет последующие страницы. Ведь совсем нередко бравурные марши так называемой игры «на выигрыш во что бы то ни стало» оборачиваются в действительности настоящей игрой на проигрыш. Впрочем, познакомимся с этими понятиями подробнее.

Хочу ничью!

Перед последним туром XII первенства СССР (Москва, 1940 год) сложилась любопытная ситуация. Впереди был И. Бондаревский, на очко опередивший А. Лилиентала и В. Смылова. И как раз в заключительном туре должна была состояться встреча А. Лилиенталь — И. Бондаревский. Посмотрим, как развивался этот волнующий поединок.

Интересны комментарии А. Лилиентала к этой встрече. Он писал: «Как известно, эта игранная в последнем, девятнадцатом туре партия решила судьбу первых мест в турнире. Бондаревский имел на очко больше меня, и я, чтобы догнать его, должен был непременно выиграть эту партию. Но поскольку отчаянная игра на выигрыш почти всегда приводит к поражению, я решил стремиться к сложной маневренной позиции закрытого типа, без тактических возможностей, выгодных для остро комбинационного стиля Бондаревского».

К словам А. Лилиентала добавим, что перед его противником стояла другая, казалось бы, менее трудная задача — добиться ничьей. И. Бондаревский запланировал достичь желаемого результата бескровным путем, и вполне понятен выбор им крепкого, но довольно пассивного так называемого разменного варианта во французской защите. Такой характер борьбы не соответствовал стилю игры И. Бондаревского в те годы. И опасения А. Лилиентала о возникновении на

доске тактических осложнений оказались неоправданными.

И. Бондаревский решил играть последнюю встречу как раз в таком духе, который так стремился навязать ему противник. Насколько правильной оказалась подготовка соперников, показывает течение партии.

Французская защита

А. Лилиенталь — И. Бондаревский

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кс3 de.

А. Лилиенталь замечает: «Психологически было совершенно правильно избрать этот разменный вариант против партнера, обязанного играть агрессивно». Мы не согласны с этим мнением. Ведь сам А. Лилиенталь чуть раньше отметил, что «коньком» его противника является комбинационная игра. Конечно, можно объяснить стремление И. Бондаревского к разменам. Уж, видимо, слишком сильно он волновался, боясь потерять первое место. Но он ошибался, ибо, с одной стороны, несколько разменов еще не означают ничью, а с другой, — он выбрал из арсенала явно не свое оружие, начав игру в несвойственной для себя защитительной манере. Ведь И. Бондаревский считался одним из опаснейших шахматных форвардов. Уже на первых ходах добровольно, как бы без единого выстрела, черные уступили сопернику ряд психологических преимуществ.

4. К : e4 Кd7 5. Кf3 Сe7 6. Cd3 Кgf6 7. К : f6+ С : f6 8. 0—0 c5 9. c3 cd 10. cd 0—0.

Точнее было 10...Kb6! Сделанный И. Бондаревским ход — мелкая, но психологически вполне понятная ошибка. Просто создалась «не его» позиция.

11.Фс2 g6 12. Cf4 Kb6 13. Сс7 Фе7 14. Се4!

Возможно, И. Бондаревский полагал, что его соперник бросится в отчаянную атаку, и поэтому не очень беспокоился о небольших позиционных недочетах своего положения. Но его противник оказался проницательным психологом. А. Лиликталь писал: «Я охотно допустил ряд упрощений, довольствуясь лишь несколько лучшим эндшпилем». Трезвый и справедливый взгляд на вещи! Для резкой атаки у белых не было оснований, так как позиция черных крепка и лишена реальных слабостей.

14. ... Kd5 15. С : d5 ed 16. Се5!

Глубокая мысль! Белые намечают играть окончание, в котором их конь окажется сильнее слона противника. Кроме того, у черных слабы пешки ферзевого фланга.

16. ...Cf5 17.С : f6 Ф : f6 18.Фb3 Се4 19.Ке5 Фb6 20.Ф : b6 ab.

Теперь реально вырисовывается преимущество белых. А у черных с каждым ходом прибавляется забот. Вероятно, в этот момент И. Бондаревский сожалел об избранном им тусклом методе борьбы.

21.Лfс1 Лfс8 22.a3 Cf5 23.g4 Се6 24.h3 f6 25.Kd3 g5 26.f3 Kpf7 27.Kpf2 Кре7 28.Кре3 Kpd6?

Решающая ошибка. Следовало играть 28. ...h5. Однако искать причину поражения черных только

в этом ходе было бы неправильно. Уж слишком много позиционных и психологических уступок они допустили раньше.

29. Л : с8 Л : с8 30.h4 h6 31. hg hg 32. Лh1 Ле8 33.Кpd2 Cd7 34.Лh6 Лf8 35.Ke1 Кpc7 36.Кc2 Лf7 37.Ke3 Ce6 38.Кpc3 Кpd6 39.Кpb4 Cd7 40. Kf5+ Кpc7 41.a4 Ce6 42. Kg3 Cd7 43.Kh5 f5 44. Kf6 fg 45.К : d5+ Кpb8 46.fg C : g4 47.К : b6 Лf2 48.b3 Cd1 49.d5 Кpc7 50.a5 Лd2 51.Лh7+ Кpb8 52.d6 Лd4+ 53.Кpc5 Лh4 54. d7 Кpc7 55.d8Ф+ Кр : d8 56.Лd7+. Черные сдались.

Замечательная партия! Оказалось, что ничья сама собой не делается. И за нее надо бороться всю.

Итак, И. Бондаревский потерпел поражение. Каковы же главные причины неудачи? Еще раз окинем взглядом эту партию. Дебют — И. Бондаревский сознательно избирает пассивный вариант, предоставляя противнику полную свободу в развитии инициативы. Дальнейшая игра черных проходит по схеме: «чем меньше врагов, тем лучше». Поэтому, невзирая на постепенное ухудшение позиции, фигуры менялись одна за другой. Это позволило А. Лилюенталю малыми, но активно расположенными силами организовать решающий штурм. Попытка черных отсидеться за крепостными стенами не помогла. И в конце концов не количество оборонительных фортов определило исход борьбы, а главное направление мысли, заключавшееся в девизе: «Не тронь меня, и я тебя не трону».

Как-то А. Нимцович заметил: «Угроза сильнее

ее исполнения». Эта фраза имеет глубокий смысл. Ибо, мечтая только о безопасности, шахматист невольно преувеличивает возможности противника, намеренно отвергает собственные активные помыслы и тем самым сковывает и обедняет свою игру. В эти моменты страх и неуверенность становятся неизменными спутниками подобного настроения.

А воодушевленный партнер тем временем осуществляет дерзкие набеги, отражать которые без встречных вылазок становится все труднее. Кольцо окружения неумолимо стягивается; осажденный уже клянет себя за проявленную робость, но поздно! Хотя дрогнувшее войско еще сопротивляется, но осадные орудия неприятеля таранят последние защитительные рубежи. И вот — побежденный удрученно подписывает бланк, сдавая партию. Желанная ничья не получилась!

Да, отдаваясь на волю волн, а вернее, на волю противника, трудно причалить к берегу. Да, и за ничью надо бороться, ее надо еще завоевать! И легче — в полнокровной борьбе. Ибо в ней пассивность и боязнь не будут тяжелым камнем тянуть вниз в тот момент, когда позиция требует принять опасное, порой рискованное, но необходимое решение.

Пусть не обвинят нас в подражании правилу дореволюционных купцов запрашивать первоначально за товар двойную цену с тем, чтобы можно было поторговаться и получить настоящую цену, но психологическая обстановка в борьбе за ничью, по-видимому, требует планирования игры

больше, чем только на пол-очка. Так что не думайте о ничьей, когда вам нужна... только ничья! Если вы опустите руки и будете искать лишь укрывающего от надвигающейся бури, то, право, ваше положение будет ничуть не лучше страуса, который, спрятав голову и закрыв глаза, думает, что опасность пройдет мимо. Нет, не заблуждайтесь: гроза не минует, и встретить ее надо решительно, с открытым забралом.

Поучительными примерами правильной психологической установки служат партии М. Ботвинника. В матчах с Д. Бронштейном (1951 год) и В. Смысловым (1954 год) счет перед последней встречей был $11\frac{1}{2} : 11\frac{1}{2}$. Ничья сохраняла за М. Ботвинником звание чемпиона мира.

Решающая партия началась. Д. Бронштейн, лукаво улыбувшись, двигает ферзевую пешку вперед: 1. d2 — d4. В зале тихо. Многие гадают, какую дебютную систему выберет М. Ботвинник. Слышится голос: «Будет ортодоксальная защита. В ней, правда, черным надо долго защищаться, но зато позиция крепкая. Это Ботвиннику сегодня и надо».

Но нет! Уже первые ходы опровергают прогноз. На доске острый, напряженный вариант, вошедший в теорию под названием «вариант Ботвинника». Чемпион мира смело бросил противнику вызов, как бы утверждая: «Хотя ничья желанна, но просить о ней я не буду. Я в силах ее добиться сам!»

Пусть читатель поймет нас правильно. Мы все не хороним ортодоксальную защиту, которую

избирали и Э. Ласкер и Х. Р. Капабланка. Но дело в том, что М. Ботвинник эту систему развития очень редко применял в своей практике. А из своего репертуара чемпион мира выбрал надежное, детально им проанализированное и, пожалуй, самое агрессивное продолжение. Можно лишь гадать, что почувствовал в этот момент его противник, но движения белых фигур наводили на мысль о том, что их полководца терзают сомнения. Какая-то обреченность замечалась в действиях армии белых. То ли вспоминался неудачный бой в предыдущей, двадцать третьей партии матча, то ли выводила из равновесия хладнокровная, четкая, не дающая передышки контратака черных. Развязка не замедлила последовать. Добившись выигранной позиции, чемпион мира «на всякий случай» предложил ничью. Она была принята.

Примерно в таком же плане развивалась и встреча М. Ботвинника с В. Смысловым. Правда, в этот раз у чемпиона мира были белые и ему легче удалось навязать противнику оборонительное сражение.

Немало случаев, когда ничья была нужна для выполнения квалификационной нормы или выхода в следующий этап отборочных соревнований, пришлось и на мою практику. В 1949 году, еще будучи совсем необстрелянным юношей, я играл в полуфинале первенства СССР в Ленинграде. К удивлению многих, и прежде всего себя, на финише появилась реальная возможность выполнить мастерскую норму. Важно было только не проиг-

рать омичу В. Тарасову. Готовился я к партии «своеобразно» — добросовестно просмотрел по учебникам «железобетонные» дебютные системы и с настроением держать лишь круговую оборону отправился на игру. В. Тарасов быстро разгадал эту нехитрую тактику, где-то удачно рискнул, справедливо полагая, что осложнений я боюсь, и заслуженно одержал победу.

Этот урок меня многому научил. Так, в партии с Ф. Георгиу из Сочинского турнира 1964 года, о которой рассказано выше, я уже не думал лишь о защите. Хотя ничья укрепляла меня на первом месте в турнире и практически обеспечивала достижение гроссмейстерской нормы, помня горький опыт прошлого, я приготовил к партии далеко не холостой набор дебютных патронов. «Только не думать о ничьей», — внушал я себе во время этого напряженного поединка. Ф. Георгиу не ожидал такого агрессивного, хотя и позиционно обоснованного, метода игры. Когда партия окончилась моей победой, он заметил: «Не думал, что так можно играть, идя на первом месте». — «Не можно, а нужно», — мысленно возразил я румынскому шахматисту.

Нужно выиграть!

Разнообразны перипетии турнирной и матчевой борьбы. Нередко возникает ситуация, когда, как говорится, отступать некуда — необходима только победа. Но одного желания мало, нужно

и умение побеждать. Может быть, подготовленность, теоретическая и техническая вооруженность шахматиста решают успех дела, подумает читатель. Мы не будем оспаривать роль знаний, а отметим лишь, что часто примерно равные по классу игры и опыту соперники с далеко не одинаковой силой проводят решающие встречи. Любители шахмат хорошо помнят, как П. Керес у самой финишной ленточки, победив М. Тайманова в XIX первенстве СССР и Г. Барца на Будапештском международном турнире 1952 года, стал первым в этих напряженных состязаниях. Но не скоро забудутся и обидные срывы Б. Спасского в партиях с М. Талем и Л. Штейном из заключительных туров XXV и XXVIII чемпионатов страны.

Не будем копать в подсчетах, сравнивая, насколько микрон П. Керес был тогда сильнее Б. Спасского или наоборот, — важно другое: один из гроссмейстеров показал умение бороться и побеждать в критический момент, а другой не проявил этого качества.

А что это такое — умение побеждать?

Здесь не обойтись только дебютной эрудицией и проникновением в тайны стратегии. Здесь не менее важна так называемая психологическая настройка характера, мобилизующая волю и чувства шахматиста на ответственное испытание.

Эмоциональные особенности состояния жаждущего победы в известной мере отличаются от переживаний человека, которому достаточно и ничья. Ведь в одном случае позади пропасть, а в другом имеется и запасной выход.

У многих шахматистов установка «на выигрыш» сопровождается излишним волнением. Оно дезорганизует деятельность нервной системы, нарушает ясность мышления и сосредоточенность. Порой мысли переплетаются в каком-то хаотичном движении, руки дрожат, а сердце стучит, выбивая тревожную дробь. Чувства, освобождаясь из-под контроля сознания, вносят свою лепту в начавшийся беспорядок.

На шахматной доске чрезмерное возбуждение проявляется в лихой игре «ва-банк», когда атака ведется, невзирая ни на что. Активность подобного рода немногого стоит. Обычно наступление, не подготовленное достаточными позиционными предпосылками, быстро захлебывается, и «коварный» соперник без особых хлопот громит заравшуюся армию.

На ленинградском полуфинале первенства СССР 1949 года я примерно в таком «приподнятом» состоянии отправился на партию с Г. Лисицыным, выигрыш которой давал мне звание мастера.

И вот что из этого получилось.

Голландская защита

Г. Лисицын — Н. Крогиус

1. Kf3 f5 2. d3 Kf6.

Лучше 2. ...d6.

3. e4 fe 4. de K:e4 5. Cd3 Kf6.

Упорнее 5. ...d5.

6. Kg5 g6 7. h4 d6 8. h5 gh 9. C:h7 K:h7

10.Ф : h5+ Крd7 11.Кf7 Кg5. Черные сдались.

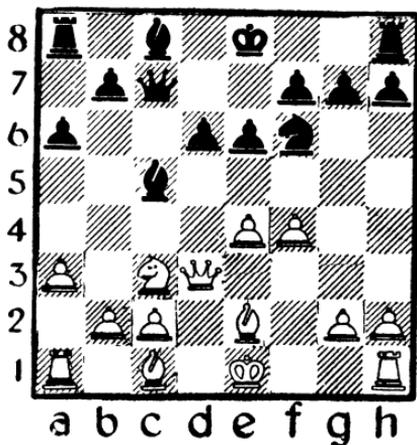
Вспоминаю, как во время партии я совершенно не мог заставить себя сосредоточиться. Мысли о выигрыше, очке отвлекали от расчета вариантов, попыток углубиться в обдумывание. «Скорее бы все решилось», — как бы внушал мне какой-то посторонний голос, заставляя «выстреливать» импульсивные ходы. После 5. Cd3 я мог избрать вариант: 5. ...d5 6.С : e4 de 7. Ф : d8+ Кр : d8 8. Кg5 Кре8 9. К : e4, но быстро отверг эту возможность, ибо возникал эндшпиль с некоторым преимуществом у Г. Лисицына. Размены (!) делают это положение бесперспективным, думалось мне, поэтому не лучше ли сохранить побольше фигур, авось удастся еще запутать партнера. И вместо того, чтобы упорно обороняться в худшей, но терпимой позиции, «смело» шагнул в пасть льва. Это легкомысленное «авось запутаем» проявилось и в реакции на малоизвестный ход 2. d3, и в дальнейшем развитии партии.

Плачевный, но закономерный итог!

Похожую картину я наблюдал пятнадцать лет спустя: встреча Р. Нежметдинов—М. Дамянович игралась в девятом туре Сочинского международного турнира 1964 года. У Нежметдинова сохранялись надежды выполнить норму гроссмейстера. Но очень важно было победить в этой партии. Уже с первых минут Нежметдинов резко играет на выигрыш. После десятого хода черных возникла следующая позиция (см. диаграмму на стр. 113).

11. Cd2.

Р. Нежметдинов готовит длинную рокировку. Но почему не 11. Се3, осуществляя ту же идею и попутно создавая во многих вариантах угрозы пешке d6? В этом случае положение черных в центре оставалось пассивным и ни о каких контр-ударах типа d6 — d5 нельзя было мечтать. Одна-

ко казанский мастер, полагая, что каждый размен фигур уменьшает (!?) шансы на выигрыш, ставит слона на неуклюжую позицию. Любопытно, что сразу же после окончания партии Р. Нежметдинов указал, что 11.Се3 было сильнее. Вот, оказывается, как действует излишнее волнение на игру даже такого опытного бойца.

11. ...Cd7 12.g4.

Только вперед.

12. ...h5 13.gh 0—0—0

14. 0—0—0 К : h5 15.b4.

Белые продолжают игру в том же браваурном стиле, что, впрочем, приводит здесь лишь к образованию новых слабостей в собственном лагере. Заслуживало внимания 15. f5, чтобы, организовав игру против пункта e6, тем самым установить более действенный контроль над важным центральным пунктом. Например, 15. ... Сс6 16. fe fe 17. Сg4 или 15. ... Kf6 16. Сg5 Сс6 17. fe fe 18. h4. 15. ... Сb6 16. Се3.

Вспоминается 11-й ход белых.

16. ... Сс6 17. а4? d5! 18. С : b6 Ф : b6 19. С : h5 de! 20. Фс4.

Если 20. Фе2, то 20. ... Ф : b4, и, используя псевдоактивное движение белых пешек «а» и «b» на предыдущих ходах, решающую атаку получают уже черные.

20. ...Л : h5 21. b5 Л : d1+ 22. Л : d1 Фс5 23. Фb3.

Эндшпиль после 23. Ф : с5 Л : с5 24. bc Л : с3 25. cb+ Кр : b7 выигран для черных.

23. ... Cd5 24. Фb2 Л : h2 25. а5.

Снова вперед, но зачем?

25. ... ab 26. К : b5 e3 27. Кс3 e2. Белые сдались.

Показательный пример, когда игра на выигрыш не была подкреплена соответствующими объективными предпосылками — позиционными факторами. Атака велась ради самой атаки, и только. Поучительно проследить, как помогали черным «атакующие» ходы противника 11. Cd2, 12. g4, 15. b4, 17. а4, 21. b5; чрезмерное нервное возбуждение вызвало необоснованную, импульсивную игру в важной для Р. Нежметдинова встрече.

Число подобных примеров увеличить нетрудно. И когда очередной «пострадавший» с изумлением убеждается, что игра на выигрыш оборачивается игрой на проигрыш, вспоминаются слова И. П. Павлова: «Жизнь наша к тому и сводится, что мы в определенный момент должны проявить известную деятельность, а в другой задержать ее».

В регулировании своих чувств, нахождении нужной меры возбуждения и торможения и заключена та золотая середина, которую И. П. Павлов называл уравновешенностью нервных процессов, а спортсмены определяют как состояние «боевой готовности». Хочется напомнить многим шахматистам, особенно недостаточно опытным, что порой в шахматах нужно спешить медленно.

Нередко приходилось слышать: «Выиграть необходимо, поэтому сыграю «по Спасскому» королевский гамбит». Странники указанной тактики подчас копируют лишь внешнюю сторону содержательного и глубоко продуманного почерка М. Таля, Б. Спасского, Л. Штейна, А. Толуша и других знатоков «штыкового» боя. Они не понимают, что в руках Б. Спасского королевский гамбит не полудетская забава в поисках острых ощущений, а тщательно проверенная дебютная система. Потому отказ от своих обычных схем в пользу непонятого, но «острого», кроме разочарований, ничего обычно не приносит. Искатели приключений, уповая только на смелость, забывают, что доблесть похвальна, когда уместна. Сервантес говорил: «Смелость, которая не зиждется на осмотрительности, именуется безрассудством, подвиги же безрассудного скорее должны быть приписаны простой удаче, нежели его храбрости».

Пусть не поймут нас превратно. Мы тоже за смелость, за «безумство храбрых», но в союзе с объективностью. Не надо превращать стремление к победе в игру в орла и решку; нужно поста-

раться вложить в такую партию и все силы, и душу, и в первую очередь разум.

О смелости, страхе и чувстве опасности в шахматах мне и хочется сказать несколько слов. Осмотрительность — необходимое качество правильной оценки позиции, объективного подхода к шахматному творчеству. Нарушение этого принципа проявляется в двух видах.

В первом случае уверенность переходит в самоуверенность. Шахматист, считая непогрешимыми свои варианты и безукоризненной — собственную оценку позиции, не придает большого значения замыслам своего оппонента. Он рассчитывает варианты в основном за себя и поэтому нередко просматривает возражения партнера, недооценивает скрытые ресурсы чужой позиции. Этот недостаток широко распространен и не прошел стороной даже мимо шахматного Олимпа.

Выдающийся советский гроссмейстер Е. Геллер часто допускает просмотры. В партии с автором этих строк из XXVII чемпионата СССР он так увлекся своими планами, что оставил без внимания ненадежное пешечное прикрытие короля. Это обстоятельство и сыграло главную роль в неожиданности контратаки, которая быстро привела к успеху, так как мой противник даже не смотрел на своего короля — его мысль настойчиво искала пути развития наступления на другом участке доски. Играя с Х. Гарсией на Гаванском турнире 1964 года, Е. Геллер также не учел остроумной, но сравнительно простой ответной реплики партнера, хотя и здесь инициатива была у одес-

ского шахматиста. Подобный список легко продолжить. Не этот ли «маленький» недостаток мешает Геллеру стать первым среди лучших?

Переоценка своих возможностей особенно часто наблюдается при встречах с аутсайдерами, заведомо более слабыми противниками, а также в лучших и выигранных положениях. Сколько превосходных позиций проигрывалось таким образом! Подчас забывается старая шахматная истина: партия считается выигранной только тогда, когда противник сдался.

Другие нарушители кодекса осмотрительности, наоборот, самоуверенностью не грешат — они даже, как говорится, стараются «слыть католиками больше, чем римский папа». За каждой вражеской пешкой им видится какая-то мистическая сила, фигуры противника превращаются в сказочных богатырей, а собственные планы кажутся уж слишком безобидными. Состояние неуверенности чаще всего возрастает в случае резкой смены обстановки на доске, когда спокойная позиция вдруг вступает в полосу бурных осложнений или последовательное проведение определенного плана внезапно встречает непредвиденные трудности. Крутой поворот событий на доске становится причиной появления целого набора отрицательных эмоций. Страхи начинают мерещиться на каждом шагу, даже там, где их нет. Совсем как в пушкинском «Вурдалаке»:

Ваня стал — шагнуть не может.
Боже! — думает бедняк, —
Это верно кости гложет

Красногубый вурдалак.
Горе! малый я не сильный:
Съест упырь меня совсем.

А в действительности вурдалак оказался собакой, мирно глодавшей кость. Поистине, у страха глаза велики.

Именно в такие минуты шахматисту как никогда необходимо самообладание. Ведь можно заставить себя не поддаваться нахлынувшему чувству, а внушить себе, что спокойствие сейчас важнее всего. Полезно подбодрить себя, напомнить, что «есть еще порох в пороховницах», и постараться на короткий промежуток времени отвлечься от партии: посмотреть по сторонам, на демонстрационную доску или соседние столики. Первый приступ обуревающих чувств схлынет, и станет легче апеллировать к разуму, рассудку.

Поэтому мы за воспитание у шахматиста целесообразной бдительности к замыслам противника, за развитие чувства опасности как проявления объективности его мышления. В этом отношении большую пользу принесет внимательное изучение творчества Х. Р. Капабланки, А. Рубинштейна, М. Ботвинника, Т. Петросяна.

Конечно, приближающаяся опасность — всегда испытание, а иногда и тяжелый экзамен человека «на прочность». Но в шахматах, как и в жизни, не проедешь только столбовой дорогой — тернии неизбежны. В них закаляется характер шахматного бойца. Победить без риска невозможно, а поседеть он тоже достоин доброго слова.

Но мы немного отвлеклись.

Посмотрим, как играют на выигрыш шахматисты, которым в критические моменты самообладания не занимать.

Партия Ю. Авербах — П. Керес состоялась в последнем туре XVIII первенства СССР. В предыдущий день П. Керес проиграл Т. Петросяну, причем имея большое преимущество, и теперь его догнали А. Толуш и Л. Аронин. Оснований для огорчений, как мы видим, у П. Кереса было более чем достаточно. И вот он садится за доску с Ю. Авербахом.

Дебют четырех коней

Ю. Авербах — П. Керес

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Kc3.

Первая неприятность. Белые предлагают дебют четырех коней, известный своей мирной репутацией. В этот момент немногие сохранили бы спокойствие. Ведь надо выигрывать, а предстоящая слишком «простая» игра как будто делает эту задачу нереальной.

3. ...Kf6.

Впоследствии П. Керес разработал систему с

3. ...g6.

4. Cb5 Cb4. 5. 0—0 0—0 6. d3 d6 7. Ke2 Ke7.

Черные, очевидно, считая это сильнейшим, пока хладнокровно поддерживают симметрию. Подлинную смелость и характеризует сохранение поддержки, а не стремление поскорее броситься очертя голову в омут. Для перехода к активным действиям у черных еще нет оснований.

8. с3 Ca5 9. Kg3 с6 10. Ca4 Kg6 11. d4 Се6
12. Сс2 Ле8 13. Ле1 Сg4 14. Kf5?

Ошибка, передающая инициативу черным; следовало пожертвовать пешку путем: 14. h3 С : f3 15. Ф : f3 ed 16. b4 Сb6 17. Сg5 — и у белых хорошие шансы на атаку. Однако решиться на крутой поворот событий Ю. Авербаху было психологически трудно. Избранный им дебют, некоторые пассивные «нейтральные» ходы белых: 12. Сс2 (лучше 12. Сb3). 13. Ле1 (лучше 13. Се3) — свидетельствовали о том, что Ю. Авербах решил пока подождать, «постоять на месте», надеясь вызвать противника на какую-либо азартную вылазку. Но эти позиционные уступки, основанные на предположении, что черные вот-вот потеряют объективность и ринутся в авантюрную атаку, не оправдались и, наоборот, позволили П. Кересу простыми средствами добиться желаемого — инициативы.

14. ... d5! 15. h3 С : f3 16. Ф : f3 К : e4 17. С : e4 ed 18. К : d4 Сb6!

Появилась надежда на получение перевеса, но Керес справедливо довольствуется пока малым. Он пишет: «Черные удовлетворятся небольшим, но ясным преимуществом в эндшпиле, создавая противнику изолированную пешку на d4 при наличии у него чернопольного слона. Попытки использовать связанное положение белого слона не дали бы успеха, например: 18. ...Фh4 19. Фf5 Л : e4 20. Сg5 Л : e1+ 21. Л : e1 Фh5 22. g4, и белые выигрывают!»

19. Cd2 de 20. Л : e4 Л : e4 21. Ф : e4 С : d4

22. cd Фe7 23. Фg4 Фd6 24. Лe1? Фd5! 25. b3 h5
26. Фе4 Ф : e4 27. Л : e4 (см. диаграмму).

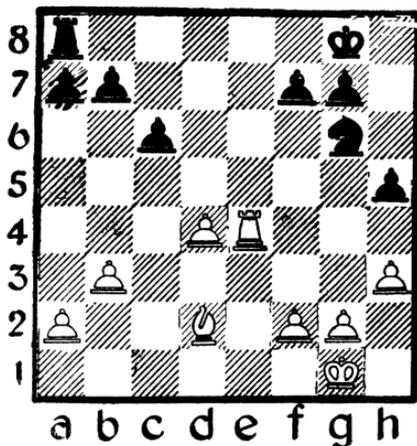
Получилась типичная позиция с «плохим» слонем у белых, дающая П. Кересу определенные шансы на победу. После ряда обоюдных неточностей в цейтноте черные

реализовали свое преимущество:

27. ...f6 28. Kpf1 Kpf7
29. Ca5 b6 30. Cc3 Ld8
31. Cb2 Ld6 32. g4 hg 33. hg
Лe6 34. f3 Ke7 35. Cc1 Kd5
36. Cd2 Ld6 37. Kpe2 Ld8
38. Kpf2 Kc7 39. a4 Ke6
40. Ce3 Ld5 41. Kpg3 Kpe7
42. g5? f5 43. Ле5 Kpd6
44. Л : d5+ Kp : d5 45. g6
a5 46. Kph4 K : d4 47. Ch6
Ke6 48. Ce3 c5 49. Kph5
Kpe5 50. Cc1 Kd4 51. Ch6
Kpf6 52. Cg5+ Kpe6

53. Ch6? gh 54. Kp : h6 Kc6, и черные выиграли.

Нас не интересует сейчас подробный анализ этого эндшпиля. Важно другое: каковы основные причины победы П. Кереса? Ответ заключен в реализме, объективности его игры. Эстонский гроссмейстер показал, что, когда возникает равная позиция, бояться ее не стоит, ибо равное положение выиграть легче, чем худшее. Главное — бороться до конца, ставить перед противником все новые и новые задачи. Конечно, не сделай Ю. Авербах пару промахов — он не проиграл бы

партии. Но его ошибки не случайны. По-видимому, Ю. Авербах рассчитывал, что партнер не выдержит, где-то зарвется, и поэтому не очень аккуратно маневрировал своими фигурами. Выходит, здравый смысл и хладнокровие оказались лучшими рецептами в игре на выигрыш.

Однако не всегда цель достигается в шахматной партии так сравнительно гладко, как в рассмотренном выше примере. Игра на выигрыш в творчестве М. Таля или Л. Штейна сопровождается порой такими приключениями, что «общепринятого» здравого смысла тут не найдешь.

Не создает ли это обстоятельство неразрешимого противоречия в попытке дать единую психологическую характеристику игры на выигрыш разных по стилю шахматистов? Полагаем, что нет. Но прежде, чем искать этот злополучный «здравый смысл» в партиях М. Таля и Л. Штейна, остановимся на значении понятия «стиль шахматиста».

Мы уверены, что общие принципы шахматной стратегии обязательны для каждого мастера. Однако способ, как претворить эти принципы в жизнь, какой выбрать метод исполнения, зависит от индивидуальности шахматиста. Выбор исполнительского метода — более живого или более строгого — и определяет стиль шахматиста. Разнообразие шахматных стилей объясняется различием человеческих характеров. Тем более, что шахматы дают широкий простор для индивидуального творчества. Ведь в большинстве позиций имеется не единственный наилучший ход,

а несколько примерно равноценных продолжений, способных удовлетворить любой вкус.

Потому шахматное искусство насчитывает в своих рядах таких «полярных» по стилю шахматистов, как Т. Петросян, В. Смыслов, М. Таль, Л. Штейн, Б. Ларсен или Л. Портиш, но основа — законы стратегии шахмат — для всех них едины. И поскольку даже сторонники комбинационного направления стратегические принципы отменять не собираются, то поверьте, что хотя они и играют не совсем так, как «классики», но и для них игра на выигрыш — не слепая надежда на счастливый лотерейный билет, а борьба на доске за тот же (пусть несколько в иной форме) здравый смысл оценки позиции.

В этом аспекте интересны мысли М. Таля по поводу нашумевшего дебютного варианта: 1. e4 c6 2. Kc3 d5 3. Kf3 Cg4 4. h3 C : f3 5. gf!? из его матча с М. Ботвинником в 1960 году:

«Все комментаторы в своих примечаниях единодушно осуждают этот ход. Спора нет, если бы его применил шахматист, совершенно не искушенный в дебютных тонкостях и не знающий ни одного теоретического варианта, его, вероятно, следовало отправить к любому популярному учебнику шахматной игры, в котором он прочел бы, что подобное сдвоение пешек невыгодно, что нельзя ослаблять королевский фланг уже в дебюте и т. д. и т. п. В данном случае, мне кажется, помимо чисто психологических плюсов, ход 5. gf имеет и чисто позиционное основание: во-первых, укрепляется центр белых, во-вторых, открывает-

ся линия «г», по которой в будущем может быть создано давление».

Подведем итоги. Как же играть на выигрыш?

Универсального ответа не ищите — мы ограничимся лишь простым пожеланием: играйте в обычной вашей манере, как всегда — даже чуть лучше, чем всегда! Не копируйте слепо опыт других шахматистов. Постарайтесь мобилизовать волю и хладнокровие, но оставайтесь самим собой.

О поражениях

Мы говорили о победах и ничьих, но давайте вспомним третий шахматный результат — поражение. Кто из шахматистов не испытал того горестного чувства, когда на бланке приходится начертать шесть обычных букв «сдаюсь», а в таблице проставить ноль? Подобная участь не миновала ни одного из прославленных корифеев. Даже «непробиваемый» Х. Р. Капабланка, одно время несколько лет не проигрывавший, был безжалостно спущен на «грешную землю» и перестал мечтать о беспроигрышном существовании.

«Жизненный путь шахматного мастера — это путь борца, жизнь со взлетами и падениями», — писал Э. Ласкер. Но раз так, если поражения неизбежны, то следует определить правильное отношение к ним, постараться ограничить число неудач.

Посмотрим, как обстоит дело с проблемой

проигрыша в шахматной практике. Не требует доказательств положение, что проигрывать никто не любит. Многие стараются побыстрее забыть неприятные переживания, а неудачу объяснить случайными обстоятельствами. «Все было хорошо, а потом просто зевнул», — утешает себя такой шахматист, упуская из виду, что явление, кажущееся ему случайным, вытекает из его шахматных или психологических недостатков. Вину за проигрыш следует искать не только у противника, но и в самом себе. Главное условие совершенствования шахматиста заключается в критическом анализе причин собственных поражений.

«Большинство игроков, — замечает Х. Р. Капабланка, — не любят проигрывать и считают проигрыш чем-то позорным. Это ложный взгляд. Те, кто хотят совершенствоваться, должны смотреть на свои проигрыши, как на уроки, и учиться по ним — чего избегать в будущем».

Для того, чтобы извлечь из поражения урок на будущее, требуется тщательное изучение проигранных партий. В своей тренерской работе я часто сталкивался даже с нежеланием некоторых шахматистов возвращаться к анализу проигранных встреч. Отмахиваясь от неприятного, тот же шахматист с удовольствием показывает свои турнирные удачи. Такое отношение необходимо в корне исправлять.

На моем шахматном пути очень важное значение имело подробное письменное комментирование проигрышей. В этих записях я старался дать конкретный анализ критических позиций,

отмечал психологические причины, повлиявшие на принятие некоторых решений, а также сравнивал свои примечания с материалами дебютных и прочих руководств, если имелось сходство. Систематическая работа в этом направлении не раз приносила и спортивные успехи. Познакомившись с моей партией с Г. Лисицыным (1949 год), куйбышевский шахматист Ю. Шапошников решил избрать в нашей встрече в 1951 году тот же гамбитный вариант голландской защиты. Однако я дважды не совершил одну и ту же ошибку, проигрыш Г. Лисицыну был своевременно тщательно разобран, и Ю. Шапошников я встретил во всеоружии — применил новую систему развития и получил преимущество уже в дебюте. Польза от затраченного труда проявлялась не только в дебютной стадии. Так, например, вспоминается партия с М. Талем из полуфинала XXIV первенства СССР (Тбилиси, 1956 год), когда я проиграл, не решившись в один из эпизодов борьбы пойти на такое окончание при ходе белых — М. Таль (белые): Kpf6, Lh8, п. e5, черные: Kpd7, Le2, считая его безнадежным. Последующий анализ убедил меня в наличии простого пути к ничьей, заключавшегося в том, что король черных держится от короля противника на расстоянии хода коня: 1. Lh7 + Kpe8 2. Kpe6 Kpd8 3. Lh8 + Kpc7 4. Kpf6 Kpd7 и т. д. Спустя восемь лет, в Сочинском международном турнире, аналогичная позиция возникла у меня против Б. Спасского. Предыдущий опыт позволил мне издали форсировать это ничейное положение.

Примером самокритичного отношения к своему творчеству, особенно к проигранным партиям, является М. Таль. Его примечания к партиям откровенны и глубоки. В них видишь, как мыслит, верит, сомневается и порой ошибается замечательный шахматист. Вот фрагменты из четвертой партии матча М. Таль — Б. Ларсен, описанные рижанином:

1. e4 Kf6 2. e5 Kd5 3. d4 d6 4. Kf3 de 5. K:e5 Kd7 6. Cc4 e6 7. Фg4 h5 8. Фе2 K : e5 9. de Cd7 10. 0—0 Cc6 11. Ld1 Фе7 12. Kc3.

«Очень обязывающий ход. Белые соглашаются испортить свои пешки, рассчитывая использовать перевес в развитии. Откровенно говоря, я значительно переоценил свои возможности после размена на c3, считая единственно допустимым для черных вариант 12. ...0—0—0 13. Ke4 f6 14. Cb3!, при котором перевес белых ощутим».

12. ...K : c3 13. bc g6 14. a4 a6 15. Lb1??

«Совершенно нелепое «атакующее» продолжение... Ради дешевой ловушки 15. Cg7 16. C : a6 ba 17. Ф : a6... белые значительно сбивают темп атаки. Задача черных была бы очень нелегка после позиционного 15. Ld4...»

Надо учиться у М. Талья отсутствию страха не только перед противником, но и перед самим собой, когда он без всяких скидок критикует свои промахи. Думается, что последнее обстоятельство сослужило рижскому гроссмейстеру немалую службу на пути его шахматных триумфов.

А теперь вернемся в турнирный зал. Сегодня, как и обычно, есть проигравшие. Нас интересует,

как переживут они неудачу, с каким настроением сядут завтра за новую партию.

Уже отмечалось, что безразличных к проигрышу не бывает. Поражения служат своеобразным показателем стойкости характера шахматиста. В отношении к ним порой и проявляется то качество личности, которое мы называем самообладанием.

А удары шахматной судьбы жестоки! Помню, как в первенстве РСФСР 1957 года свердловчанину Г. Бастрикову оставалось набрать одно очко из четырех последних встреч, чтобы стать мастером. Уральские болельщики, уверенные в успехе своего земляка, не скупилась на поздравления. Кажется, сам Бастриков тоже поверил, что маршальский жезл в кармане. Но сколько разочарований ждало его! Первую же партию Г. Бастриков с треском проиграл. Во второй — с Л. Шамковичем — он уже так разволновался, что перепутал порядок ходов в форсированном маневре и... снова ноль! Заключительные туры тоже не принесли желанного. Обычно самоуверенный и жизнерадостный свердловчанин был в эти дни тих и подавлен. На нем буквально лица не было. Со стороны казалось, что он смиренно ждет фатального конца. Позднее он рассказывал: «Первый ноль меня разозлил, а после второго я был совершенно «готов» — хотелось бросить все, уехать домой и не видеть шахматную доску».

В XXVII чемпионате СССР после одиннадцатого тура я был одним из лидеров. Двенадцатым противником оказался В. Смыслов. Боязнь за

свое ведущее положение привела к робкой игре. Во время партии я больше думал о том, что еще очка четыре — и хватит до гроссмейстерского балла, чем о ходах противника. Подобное настроение не осталось безнаказанным. «Обоюдными» усилиями мы с В. Смысловым быстро доказали безнадежность моей позиции. Это поражение выбило меня из колеи. Вскоре я проиграл Э. Гуфельду и В. Корчному. На финише турнира мне постоянно мерещилось: «Эх, не надо было отступать в партии с Гуфельдом конем на e8, а со Смысловым надо было проводить план с c2—c3 и d2—d4», — или еще что-то примерно в этом роде». Воспоминания о допущенных промахах неотступно преследовали меня и мешали сосредоточиться на последующих встречах. Поэтому и очередные партии (например, превосходное положение было у меня против В. Корчного) неминуемо катились под уклон. В те дни я понял, как трудно бороться с собственным волнением. Справиться с самим собой мне в этом турнире не удалось.

Проблема борьбы со своей тенью — комплекс отрицательных переживаний, сопровождающих поражение, — остается камнем преткновения для многих, даже самых опытных шахматных мастеров.

Критики часто ссылаются в качестве положительного примера самообладания на А. Алехина. Говорят, что чемпион мира с удвоенной силой и энергией играл после неудачи. Пример, конечно, поучительный, но как заставить себя следовать

этому образцу? Задача не простая и во многом зависит от закаленности характера человека, его воли.

Как и в других, подобных жизненных ситуациях, здесь необходимо стряхнуть с себя тяжелый груз прошлого, постараться забыть неудачу и отвлечься от горестных мыслей. Тут самоистязание, по-видимому, до добра не доведет.

Однако сказать легко, а выполнить тяжело. Помните, как Ходжа Насреддин остроумно использовал трудность подобного забывания, когда вызвался исцелить ростовщика за солидное вознаграждение. Он заявил родственникам богача, что лечение может быть успешным лишь в том случае, если никто из них не будет думать о... белой обезьяне! Естественно, не успел Ходжа начать врачевание, как тень смущения пробежала по лицам родни. Призыв Ходжи Насреддина оказал обратное действие — белая обезьяна, как назло, не выходила из головы. Нечто похожее происходит и с запоминанием поражений. Однажды известный шахматист, заказывая обед, сказал официанту: «На первое, пожалуйста, слон f1 на b5». Удивленный работник общественного питания с опаской отодвинулся, но участники турнира всё хорошо поняли — маневр слонем явился причиной поражения мастера в только что закончившейся партии.

Решение вопроса борьбы с «пережитками» проигрышей следует искать, по-видимому, в самоконтроле сознания и, если хотите, во внушении.

Да, да, именно во внушении. И пусть вам не вспоминаются здесь древние жрецы и непонятные чудодейства индийских йогов. Все гораздо проще. Внушение в наши дни стало основным методом психотерапии и педагогической практики. И даже очень хорошо, если тренер ободрит «потерпевшего», без излишней морализации, в живой форме обсудит происшедшую неприятность и затем постарается направить его мысли на другое. Но часто тренера нет, и хочешь или не хочешь, а приходится оставаться один на один со своими переживаниями. Тут мы можем воспользоваться самовнушением. Роль самовнушения исследовал замечательный психиатр В. Бехтерев. Он писал о необходимости борьбы с отрицательными настроениями путем отдачи себе словесного приказа забыть их и одновременно советовал обязательно отыскать в памяти противовес — вспомнить что-либо радостное, приятное, короче говоря, убедить себя, что есть еще «впереди огоньки», как писал В. Короленко. Слова самовнушения должны произноситься «от своего имени, в утвердительной форме и в настоящем, а не в будущем времени», указывал В. Бехтерев.

Безусловно, нельзя как переоценивать, так и недооценивать метод внушения. Успех его применения зависит от ситуации и индивидуальных особенностей человека.

Процесс смены настроений, управления чувствами протекает у разных шахматистов неодинаково. Различна также быстрота этой перемены.

Одни, как А. Алехин, готовы к реваншу уже на следующий день, а у других «выздоровление» принимает более затяжную форму. Интересны соображения М. Таля по поводу четвертой партии матча с Л. Портишем (1965 год): «Кобленц уже успел достаточно хорошо изучить мой характер, и поэтому он знал, что в 4-й партии ничьей, вероятно, не будет. Как правило, я после поражения лезу на рожон. Его совершенно правильный совет, что не нужно терять головы, ведь впереди еще семь партий, не помог, и уже с первых ходов белые ясно показали свой девиз в этой встрече — «со щитом или на щите».

Анализируя ход борьбы, мы критически отнесемся к выражению: «Я после поражения лезу на рожон». Авантюризма в этой встрече у М. Таля заметно не было. Он играл агрессивно, сильно, но не азартно. Особо примечательно, что рижанин боролся с полной отдачей сил, неукротимой энергией, как «настоящий Таль»!

Не у всех боевитость восстанавливается так быстро. Несколько слов скажу о себе. Поражения я переживаю до сих пор довольно болезненно. Поэтому после ноля я стараюсь максимально отвлечь мысли от закончившейся партии — не анализирую детально причины проигрыша, а ищу успокоения в приключенческом романе, кино или длительной прогулке. Но все же на следующий день я обычно не полностью бываю готов к настоящему бою. Практический опыт многих турниров убедил меня играть после поражения с особой осмотрительностью и ни в коем случае не

стремиться обязательно «отыгрываться». Во время партии часто контролирую себя — не зарываюсь ли? Во встрече со слабым противником стремлюсь еще строже себя контролировать: ведь тут опасность потерять объективность возрастает вдвое. Такая психологическая установка обычно оправдывалась. В турнире памяти Чигорина в 1965 году я проиграл Р. Нежметдинову. В следующей партии с В. Янсой я следовал указанным выше советам до последнего хода, даже когда моя позиция стала совершенно выигранной.

Несомненно, прав М. Таль, говоря: «Каждый шахматист — кузнец своего счастья», — и вряд ли обоснованным будет дать какие-то абсолютно верные рецепты, которые могли бы во всех случаях спасти от поражения. К этому мы и не стремились, а хотели лишь посоветовать любителю шахмат задуматься, прежде чем поднимать молот своего шахматного счастья

ОШИБАТЬСЯ СВОЙСТВЕННО ШАХМАТИСТУ

Можно ли играть в шахматы без ошибок? Для ответа на этот вопрос небезынтересно обратиться... к детской игре в «крестики и нолики». В ней все возможности поддаются точному учету, так что сравнительно нетрудно записать все варианты и выбрать лучший ход.

На первый взгляд, подобная операция может быть проделана и в шахматах. Ведь и здесь мы имеем дело с конечными величинами — шестьдесят четыре поля, тридцать две фигуры, строго регламентированные правила...

Однако уже первые подсчеты заставляют крепко задуматься: в исходном положении белые могут начать партию двадцатью различными способами — шестнадцатью ходами пешками и четырьмя — конями. Столько же ответов имеют уже на первом ходу и черные. Итак, сразу же возникает четыреста возможностей. А чем дальше в лес... тем «страшнее» цифры! После двух ходов возникает сто шестьдесят тысяч вариантов, а после трех — около шестидесяти четырех миллионов.

Конечно, любой опытный шахматист скептически отнесется к этим подсчетам: зачем, мол,

говорить о миллионах, когда каждый мало-мальски подготовленный любитель и не рассматривает большинство возможных вариантов, заранее считая их непригодными.

Да, действительно: огромное количество возможных путей на шахматной доске остается лишь формальной возможностью, так как противоречит элементарному здравому смыслу играющего.

Однако и приемлемых ходов остается множество; чтобы бегло просмотреть каждый из них, мозгу шахматиста пришлось бы затратить годы. Поэтому пусть не тревожит умы шахматных философов вопрос о том, как постичь в древней игре необъятное. Попытки создать какую-то единственную, абсолютно лучшую и безошибочную партию людям не под силу. Да и существует ли вообще такой непревзойденный шедевр?

Не будем увлекаться абстрактными спорами. Ясно, что и к нам, шахматистам, относятся слова Цицерона: «Человеку свойственно ошибаться». Правда, римский мыслитель, продолжая свою мысль, заметил: «а глупцу настаивать на своей ошибке».

Излишне упорствовать в заблуждении, что мы безгрешны на полях шахматных сражений. Здесь, как и в жизни, полезнее критическим взором подметить характерные особенности ошибок, систематизировать их в силу наших возможностей и постараться ограничить число промахов в игре.

Когда начинаешь рассматривать эту пробле-

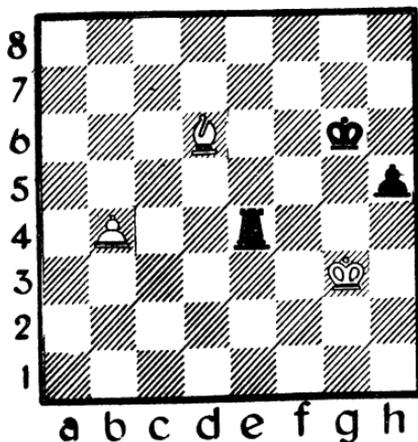
му, то замечаешь, что ошибки ошибкам рознь. На некоторые из них и жаловаться вроде бы нельзя. Вот представим себе такой случай: в пылу борьбы начинающий шахматист решает форсировать события и сознательно переходит в окончание с двумя «чистыми» конями против одинокого короля противника. «Уж здесь-то он от меня не уйдет, — думает предводитель кавалерии, — если вчера я с двумя пешками выиграл, то сейчас еще лучше: ведь кони сильнее пешек». Но... проходит несколько ходов, и оптимизм сменяется досадой. Оказывается, кони не так уж и сильны. Пат дать можно, а мата так и не получилось. «Это знать нужно», — говорят в аналогичных случаях. Да, совершенно справедливое замечание. Многие промахи объясняются именно отсутствием необходимого «технического минимума» у шахматиста.

Ошибки по неведению зависят от опыта, квалификации. И спрос за них различный. Как от первоклассника нельзя требовать знаний по алгебре, так и начинающему не следует пока обращать внимание на такие тонкости, как сила или слабость изолированной пешки. Овладение знаниями — процесс постепенный. Вместе с ними развивается и интуиция. Позиции начинают рассматриваться уже не с принципа «защитил — напал», а путем последовательной работы дается общая оценка положения.

Впрочем, порой и закаленные бойцы грешат пробелами в самых необходимых сведениях. Любопытный казус произошел в партии Н. Ново-

тельнов — Е. Терпугов из XIX первенства СССР (Москва, 1951 год) (см. диаграмму).

Легко заметить, что у черных подавляющий материальный перевес. Важно было знать, что выигрывает, однако, лишь продвижение пешки до h5, но не далее, так как именно через поле h4 должен отступить черный король, после того как

ладья с поля g4 отбросит короля противника на линию «f». Терпугов же бодро продвинул свою «пехоту» на h4. Ничья стала неизбежной. Хороший урок за невнимание к теории. А как еще часто, особенно молодые шахматисты, браврируют тем, что, мол, мало знают. Изучение теории им кажется уделом зубрил и начетчиков.

То, что некоторые шахматисты систематически не следят за последними достижениями теории, к сожалению, факт. Жестоко поплатился за это в одном из чемпионатов США даже многоопытный С. Решевский. Приводим партию Р. Фишер — С. Решевский:

1. e4 c5 2. Kf3 Kc6 3. d4 cd 4. K : d4 g6 5. Kc3 Cg7 6. Ce3 Kf6 7. Cc4 0—0 8. Cb3 Ka5?

Незадолго до этой встречи так же играли в чемпионате РСФСР 1958 года Г. Бастриков и Л. Шамкович. Белые энергично использовали

ошибку противника: 9. e5 К : b3 10. ef К : a1 11. fg. В комментариях было указано, что плохо 9. ...Ке8 ввиду 10. С : f7 +. Фишер прилежно изучил идею Бастрикова и решил испробовать ее за белых. Таким образом, второй жертвой свердловчанина оказался сам Решевский.

9. e5 Ке8 10. С : f7+ Кр : f7 11. Ке6! de.

Если 11. ...Кр : e6, то 12. Фd5+ Крf5 13. g4+ с матом в несколько ходов.

12. Ф : d8, и белые вскоре выиграли.

Все же ошибки «по необразованности» в высшем шахматном классе встречаются не так уж часто. Пути борьбы с ними более или менее ясны, так как совершенно очевидны причины, вызывающие подобные недочеты.

Труднее поддаются расшифровке случаи, не связанные непосредственно с объемом знаний того или иного шахматиста. Как, например, объяснить трагический зевок М. Чигорина в матче с В. Стейницем, когда русский чемпион отвел слона, защищавшего его от мата в два хода? Или «любезный» жест Т. Петросяна в турнире претендентов 1956 года, подарившего Д. Бронштейну целого ферзя? Объяснения корреспондентов обычно стереотипны — «нервы подвели», «не выдержал напряжения» и т. д.

Подобные определения кажутся нам слишком общими. Полагаем, что можно наметить некоторые конкретные психологические признаки, служащие своеобразным катализатором появления шахматных ошибок.

Часто говорят о цейтнотных причинах про-

смотров. На это можно заметить, что и при достаточном количестве времени ошибки все же совершаются. Действительно, влияние цейтнота в этом «черном» деле оспаривать трудно, но все же делать из него козла отпущения тоже нельзя. Цейтнот является лишь той благоприятной ситуацией, где проявляются в форме шахматных просчетов недостатки мышления, внимания, воли, памяти и других психических состояний личности.

И немного о терминологии. В. Алаторцев, ссылаясь на Э. Ласкера и С. Тартаковера, разделяет понятия «ошибка» и «просмотр». Он полагает, что «ошибки» главным образом делаются при защите, а «просмотры» — в лучших позициях. Думаю, что подобное деление необоснованно; трудно уловить целесообразность этой классификации. Тем более, как увидит читатель из дальнейшего, характерные особенности ошибок в благоприятных и тяжелых положениях часто бывают сходными. Поэтому мы употребляем термины «ошибка» и «просмотр» в одном значении.

А теперь остановимся на некоторых случаях типичных ошибок.

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ПОЛЯ

В позиции из партии М. Таль — Н. Крогиус (XXXII чемпионат СССР, Киев, 1964—1965 годы) возникла следующая позиция (см. диаграмму на стр. 140).

Положение черных хуже. Но оснований для

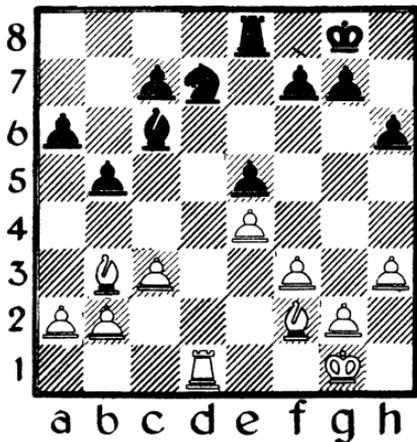
паники еще нет. Заслуживало внимания, например, ...Kpf8 и далее марш королем на e7. Вряд ли позицию черных удалось бы пробить даже двум дальнобойным слонам. Однако последовало:

26. ...Kb6? 27.С : b6 c6 28.Лd6!

Удивительно, что этот простой ход оказался для меня полной неожиданностью. В расчете вариантов после 26. ... Kb6 я рассматривал, конечно, 27.С : b6, но после этого считал возможным лишь 28.Cd5, так как пешка с7 мысленно оставалась у меня на прежнем месте.

При предварительном обдумывании я совершенно не предвидел возможности вторжения ладьи М. Таля на поле d6, так как был твердо убежден, что оно защищено пешкой ...с7!? То обстоятельство, что эта злосчастная пешка в результате предшествующего размена перешла на другое место, не учитывалось во время расчета. Ход белой ладьи оказался для меня полной неожиданностью.

Вспоминаю, как я удивленно взирал на доску и спрашивал себя: уж не мистика ли какая-то творится на доске. Не хотелось верить своим глазам, но факт оставался фактом: пешка с7,

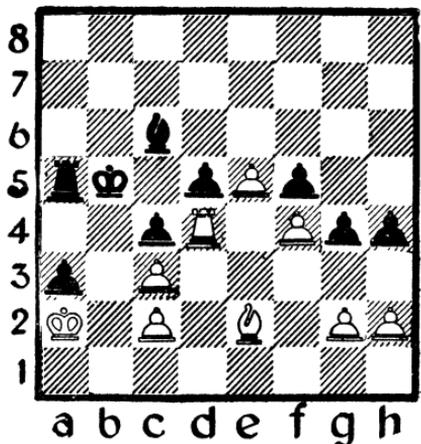
Гром среди ясного неба! Уж что-то, а такой ход я считал невозможным, ибо во всех моих размышлениях белый ферзь почему-то оставался на прежней позиции — на с1. Довольно странная и навязчивая галлюцинация, если учесть, что ферзь Л. Штейна уже несколько ходов опустошает мои укрепления на противоположном краю доски. Естественно, что теперь борьба продолжалась недолго:

30. ...ab 31. Фh7 f5
32. С : d5, и через несколько ходов черным пришлось сложить оружие.

Вероятно, нечто похожее было в партии Д. Тейлор — С. Флор (Ноттингэм, 1936 год) (см. диаграмму).

Стремясь активизировать проходную пешку, Флор сыграл 77. ...Кра4??

Казалось бы, логично и сильно — король теперь защищает передового пехотинца, а ладья по освободившейся дорожке проникает в тыл противника. Но после прозаического ответа 78. Сd3 выяснилось, что угрозы черных легко отражаются, а ценнейшая пешка на f5 теряется. С. Флор эту партию вскоре проиграл. Но почему же гроссмейстер просмотрел несложную реплику белых? Вероятно, ход Сd3 вообще не принимался им в рас-

чет, так как долгое время был невозможен из-за удара пешкой с4. Это обстоятельство учитывалось черными неоднократно при обдумывании различных вариантов, и в конце концов у них, видимо, подсознательно сложилось убеждение в абсолютной невозможности такого хода. Когда же было намечено путешествие короля, то существенная перемена позиции (связка по четвертой горизонтали и появление поэтому «запрещенного» хода Cd3) выпала из поля зрения С. Флора.

В разобранных примерах мы могли заметить, что в изменявшейся на доске обстановке мысль продолжала оперировать призраками уже не существующих, прошлых позиций. В сознании возникал устойчивый «остаточный» образ, отстававший от развития действий и вызывавший неправильную оценку уже заново сложившегося положения фигур.

По-видимому, динамика сосредоточения мышления, то есть, иными словами, способность шахматиста переключать свое внимание на измененные ситуации, здесь была явно не на высоте.

Подобный недостаток — зло, и зло немалое! Особенно он мешает точности расчета вариантов в позициях, насыщенных тактическими возможностями. Анализируя свои партии с М. Талем и Л. Штейном, я задался вопросом: что же предпринять для устранения этого недочета? Конечно, можно разобрать каждый отдельный случай и завязать узелки на память — примерно такого рода: не забывай о коварной пешке с7 или: сле-

ди за ферзем на с1 — как бы он не сбежал на королевский фланг, и т. д. Однако вряд ли такие меры принесут действительную пользу. Ведь в иной раз причиной миража может стать другая пешка или фигура, а за всем, как говорится, не усмотришь. Да это и не нужно!

Полезнее избрать несколько более общий метод. Мне, например, понравился способ, уже давно предложенный А. Котовым. Он заключается в следующем: возьмите сложную острую позицию и примерно полчаса распутывайте хитросплетения вариантов, не передвигая фигур по доске. Затем запишите то, о чем думали и что надумали, и сравните записанное с имеющимися комментариями к этой позиции.

Я разобрал указанным образом ряд партий М. Таля, Б. Ларсена, И. Болеславского. Боюсь давать гарантии, но кажется, что проделанная работа пошла впрок. Во всяком случае, количество «вездесущих» фигур, возникающих то здесь, то там, в моих партиях поубавилось.

В разумных пределах полезным может оказаться и блиц: поскольку в молниеносных партиях ситуация меняется быстро, то необходимость скорой ориентировки и, следовательно, переключения внимания здесь очевидна.

И все же едва ли правомерно ограничиться лишь чисто шахматными методическими приемами для исправления подобных ошибок. Динамичность внимания шахматиста не может рассматриваться изолированно от особенностей его мышления и характера.

В психологических исследованиях указывается, что признаками эффективности переноса сосредоточенности мышления с одного объекта на другой являются сознательность и намеренность этого процесса, и, следовательно, лучшая переключаемость внимания зависит в первую очередь от таких волевых черт характера, как самостоятельность и критичность.

Мы снова приходим к заключению, что причины, казалось бы, чисто шахматных явлений приходится искать отнюдь не в квадрате, ограниченном линиями «а» и «h», а в вещах куда более сложных — проблемах воспитания характера шахматиста.

Когда в психологии говорят о недостатках развития самостоятельности воли, то часто в качестве иллюстрации этого положения указывают на так называемую внушаемость человека. Под внушаемостью понимают сравнительно легкую подверженность чужому влиянию, мыслям. Посмотрим на конкретном примере, как сила влияния партнера, попав, по-видимому, на благодатную почву, сковала волю мастера, заставила поверить в чужие замыслы и тем самым накрепко затормозила переключаемость его внимания. В итоге на доске наблюдалось нечто из ряда выходящее. Этот забавный эпизод произошел в партии А. Эбралидзе — В. Рагозин на X чемпионате СССР в Тбилиси в 1937 году (см. диаграмму на стр. 146).

В. Рагозин быстро сыграл 40. ...Лс7, рассчитывая в случае взятия ладьи отыграть ее, дав

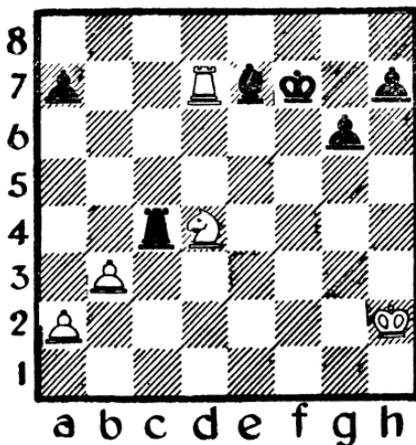
шах на d6, связанным (!) слоном. А. Эбралидзе погрузился в размышления.

Наверное, он видел лишь роковую черную диагональ h2—b8, размен на которой сулил ему мало радости. Об остальных мелочах на доске А. Эбралидзе и не задумывался. А ведь сейчас слон черных связан, и можно бесплатно выиграть целую ладью! Но в мыслях нет и намек на

недоверие к ходу соперника — разве может «сам Рагозин» ошибиться? Он продолжает думать, неподвижно склоняясь над доской. А тем временем атмосфера в зале накалилась до предела. Наконец, один из болельщиков не выдержал: «Арчил, бери ладью», — раздался его возглас. — «Все вижу, не мешайте», — отмахнулся А. Эбралидзе.

Прошло еще несколько минут. И вдруг! Белые отвели ладью: 41. Ld5?? Трудно поверить, что поднялось в зале. Сначала непонимающий А. Эбралидзе удивленно оглянулся, затем догадался и в отчаянии схватился за голову.

Вероятно, в действительности «гипноза» сыграло известную роль и то обстоятельство, что А. Эбралидзе, тогда молодой шахматист, свято верил в авторитет знаменитого противника и по-

этому и думать не смел, что тот может «зевнуть» целую ладью.

Вообще излишнее почтение к опыту и званию шахматиста порой оказывает большое влияние — его впечатлительные партнеры начинают играть слабее своей подлинной силы.

Впрочем, «чудеса» на этом не закончились. После ходов: 41. ... Cf6 42. Kb5 Лс2+ 43. Kpg3 а6 44. Лd7 + Кре8 — Эбралидзе снова погрузился в размышления и... поставил свою ладью на фатальное поле с7 : 45. Лс7?? Се5+, и белые сдались.

Заключительный просмотр грузинского мастера не случаен, а объясняется, пожалуй, тем, что после того, как он сам не использовал подарка Рагозина, Эбралидзе «твердо» запомнил, что шах по диагонали h2 — b8 невозможен, но вот ситуация изменилась, слон освободился от связки, табу на шахи сняли, и на «твердом» убеждении Арчила была потеряна ладья. Вот какие бывают приключения с переключением внимания.

НА ДВА ФРОНТА

Говорят, что Наполеон мог одновременно выполнять семь дел. Не будем гадать о достоверности таких сведений. Но в шахматах дарование французского полководца часто вспоминается с завистью. Ведь маленькая шахматная доска столь богата смысловым содержанием игровых ситуаций, что держать под наблюдением все

участки сражения порой оказывается весьма затруднительным.

Может ли внимание шахматиста распределяться на разные части доски? Можно ли, углубившись в расчет вариантов на королевском фланге, следить в то же время внимательно за фигурами, находящимися на другом краю?

Эти вопросы приводят нас к разговору об одном из важнейших свойств внимания — способности к его распределению на различные стороны деятельности. Это, естественно, связано с другой особенностью внимания — переключением, но знака тождества между ними поставить нельзя. Распределение внимания в первую очередь подчеркивает широту этого психического процесса, а переключение — его динамичность.

Так же, как и жизнь, шахматная практика на каждом шагу требует от нас распределения внимания. Наверное, память любого шахматиста хранит немало случаев, когда длительная и изнурительная работа по окружению слабой пешки противника шла насмарку из-за какого-то вроде бы случайного «швинделя» в совершенно другом районе доски. Поэтому бесполезным будет попытаться разобраться в особенностях распределения внимания в шахматной борьбе.

Для этого сначала обратимся (не удивляйтесь!) к игре вслепую. В ней наиболее ярко проявляются некоторые специфичные черты мышления шахматиста.

А. Алехин писал: «Играющий не пытается вос-

произвести перед своими глазами всю доску с ее белыми и черными клетками, белыми и черными фигурами, как, между прочим, полагает большинство простачков, но он припоминает только какой-нибудь характерный ход, конфигурацию части доски, наподобие того, как в жизни мы вспоминаем о каком-нибудь знакомом, книге или вещи. Так играю я, так играют, насколько мне известно, все мастера игры вслепую».

Чрезвычайно важное замечание! Оказывается, в процессе обдумывания из большого количества представлений наша мысль выделяет главные, на них и концентрируется внимание. Происходит разделение участков доски, фигур на основной район действий и второстепенные, которые служат своеобразным фоном. Поэтому, если говорить о силе сосредоточения, то основные мощности мышления обращены на главный, выделенный сознанием участок, а в остальных местах лишь мирно дремлют небольшие, скорее чисто символические небоеспособные гарнизоны.

Принципиальный характер подобной мыслительной направленности остается и при обычной игре за доской, а не только в партиях вслепую.

Вот перед нами позиция из встречи Б. Спасский — М. Тайманов на XXII первенстве СССР в Москве в 1954 году (см. диаграмму на стр. 150).

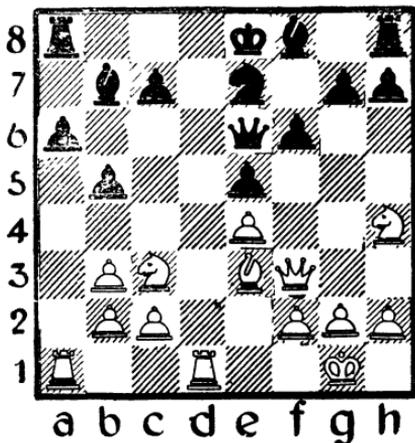
Внимание черных приковано к королевскому флангу, в частности, к положению неприятельского ферзя и коня на h4. Учтя опасность шаха на h5 и вторжения коня на f5, М. Тайманов делает ход... 14. ...g5? Если бы сейчас можно было

разрезать шахматную доску по вертикали пополам и, следовательно, убрать весь ферзевый фланг, то выбор черных нельзя осудить! Но фокус в том и заключался, что именно эта сторона доски оказалась обойденной взглядом М. Тайманова. Позиция там несколько ходов назад относительно стабилизировалась. Он решил, что «на Шипке все спокойно», и перестал думать об этой стороне доски. Его внимание было максимально обращено на фигуры другого фланга.

А Б. Спасский, используя забывчивость партнера, немедленно претворяет ее в весомую материальную добычу: 15. Kb5— как раз там, где его не ждали! 15. ...ab 16. Фh5+ Фf7 (или 16. ...Kg6 17. Л: a8+ С: a8 18. К: g6 Фf7 19. Фh3) 17. Л: a8+ С: a8 18. Лd8+ +Кр: d8 19. Ф: f7 gh 20. Ф: f6, и белые добились подавляющего перевеса.

Мы заметили, как неодинаков по степени сосредоточенности взгляд шахматиста на различные районы доски. В одном месте, как, например, при вдевании нитки в иглолку, он напряженно следит за мельчайшими движениями, а в другом и «бревна» порой не замечает.

Полезность пристального наблюдения, глу-

бокой концентрации внимания на чем-то одном никто отвергать не собирается, но мы говорим и о том, что необходимо уметь распределять внимание так, как требует характер деятельности.

В шахматной борьбе распределение внимания особенно важно при одновременной игре на двух флангах. Это, пожалуй, самое трудное в шахматной практике. И хотя известно, например, искусство А. Алехина в ведении игры по всей доске, имеется также немало примеров, когда такие ситуации оказывались непосильными даже для опытных мастеров.

А современные шахматы, как раз характерные динамикой, широким диапазоном действий, немыслимы без развития распределенности внимания, без умения вести борьбу на несколько фронтов. Неожиданные ходы, ловушки, отвлекающие жертвы находят себе благодатную почву при недостаточном внимании ко всем без исключения шахматным фигурам.

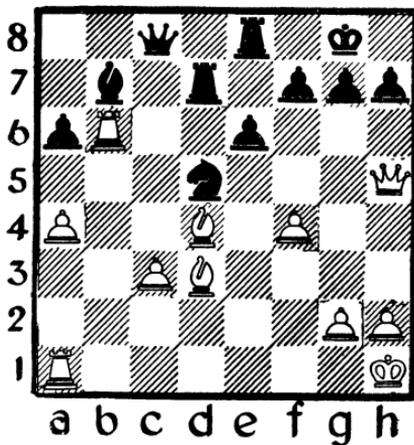
Перед нами позиция из партии М. Видмар — У. Митчелль (Гастингс, 1925—1926 годы) (см. диаграмму на стр. 152).

Положение У. Митчелля лучше. Необходимо лишь защититься от прозрачной угрозы белых пункту h7. С этой задачей черные справились плохо. Последовало: 26. ... f5? 27. Л : b7! Л : b7 (27. ...Ф : b7 28. Ф : e8×) 28. С : a6, и Видмар выиграл пешку, так как не проходит 28. ... К : f4 ввиду 29. Фf3 Kd5 30. c4! Вместо 26. ...f5 скромное 26. ...h6 давало черным превосходную игру. Ошибка У. Митчелля можно понять. Намечая свой от-

ветный ход, он учитывал лишь «угрожающий механизм» ферзя и слона противника и совершенно не обратил внимания на особенность положения белой ладьи, казалось бы, не оказывающей никакого влияния на ход борьбы. Поскольку при таком ходе рассуждений и 26. ...f5 и 26. ...h6 вполне возможны, он остановил свой выбор на первом продолжении, как более надежном (чтобы не считать еще 27.f4—f5 и тому подобное). А именно после хода в партии открылась диагональ h5—e8 и оправдалась отвлекающая жертва. Беда пришла оттуда, откуда ее совсем не ждали!

Часто при недостаточной распределенности внимания непредвиденными оказываются так называемые «длинные» ходы. Действительно, неожиданность «длинных» ходов (например, ферзя с a8 на f3) легко объяснить, если учесть, что концентрация внимания на каком-либо участке доски большей частью бывает связана с мысленным ограничением в пространстве главного района данного шахматного сражения.

Эту своеобразную особенность внимания подметил М. Ботвинник. После победы в матч-турнире на первенство мира в 1948 году он выступал с

лекцией об этом соревновании в ленинградском Дворце пионеров М. Ботвинник поделился секретами своей подготовки и, в частности, рассказал о составлении им психологических характеристик соперников. В заведенном на М. Эйве досье было, например, записано, что голландский чемпион нередко «зевает» ходы через всю доску. Эта характеристика оказалась правильной: напомним, как во встрече М. Ботвинник — М. Эйве из того турнира черные просмотрели «длинный» маневр ферзя белых по маршруту b3 — g3 — g7.

Нам кажется, что важным условием развития распределенности внимания шахматиста является воспитание критичности мышления. Поэтому во время партии полезно бывает отвлечься от собственных замыслов и попытаться подумать за партнера. Такой перенос наших мыслей за линию фронта способствует лучшему контролю к планированию собственных планов, помогает устранению ошибок и просчетов по невнимательности.

Да, иной раз посмотреть на себя со стороны — великое дело! Психолог К. Платонов рассказывал, как участники одного из совещаний долго спорили и никак не могли договориться. Страсти разгорались, но вопрос не прояснялся. Объявили перерыв. После короткого отдыха, когда участники заседания уже порывались перейти ко второму раунду дебатов, был включен магнитофон, на котором незаметно записали все предыдущие выступления. Надо было видеть лица, с какими ораторы слушали свои речи, казавшиеся им ранее столь логичными и обоснованными. Даль-

нейшее обсуждение было деловым. Каждый старался яснее выразить мысль, точнее сформулировать свои доводы.

Свою лепту в развитие широты внимания вносят и сеансы одновременной игры. Переходя от одной доски к другой, сеансер должен быстро принять решение, учитывая самые разнообразные особенности сменяющихся позиций.

Зрители часто спрашивают: «Неужели мастер заметит, если участник переставит фигуру на иное место или попросту снимет ее с доски?» Думаю, что опытный сеансер в подобных «экспериментах» обнаружит перестановку. Ведь в этом случае нарушается логика проводимых им планов. Пешки и фигуры на шахматной доске — не случайно перемешанные деревяшки, а взаимосвязанные между собой носители смысла определенного стратегического плана или тактической операции. Эта взаимосвязь и отражается нашим мышлением благодаря широте, распределенности внимания, и тем тоньше, глубже, чем лучше развиты эти качества.

Впрочем, скептики иногда пытаются воочию проверить — заметит мастер обман или нет. Бывает так. Подходишь к доске и думаешь: что за нелепость — комбинация вроде должна была проходить, а теперь ее нет и в помине! Начинаешь распутывать клубок вариантов, и постепенно становится очевидным, что логика борьбы нарушена непонятно откуда взявшейся пешкой, скажем, на d6. Сразу следует мысленный вопрос: а как она там оказалась? Опять анализ. В результате

убеждаешься, что честным шахматным путем попасть на d6 пешка не могла, и под смех болельщиков отправляешь ее на законное место, предположим, на d5. В такие моменты из рядов зрителей слышится: «Смотри-ка, все помнит».

Нет, дорогие любители шахмат, сеансер помнит далеко не все! Опять возвращаясь к ранее высказанной мысли, отмечу: память сохраняет главным образом смысл позиции, взаимосвязи ее элементов, и тем полнее, чем шире развиты наши способности распределения внимания.

Мы видели, что это качество внимания важно для шахматиста. Но все-таки, не боясь повториться, нужно отметить, что развитие этого свойства не ограничивается лишь шахматной тренировкой, а зависит от личности человека в целом. Широта характера, разносторонность интересов, высокая общая культура благотворно влияют и на успехи в какой-то отдельной области, в частности, и в шахматной. Чем богаче, разнообразнее будет общая подготовка мышления, тем легче оно будет решать логические задачи за шахматной доской, тем больший объем самых различных шахматных проблем оно сможет охватить.

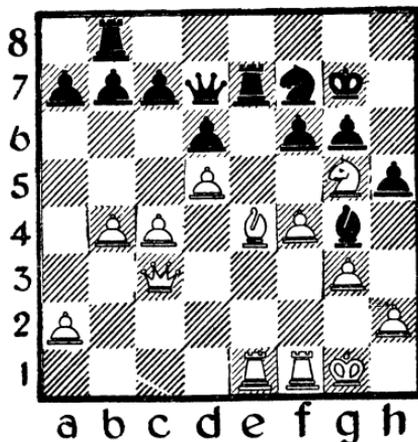
ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Шахматная партия, как правило, не проигрывается из-за одной не очень крупной ошибки. Лишь два-три таких промаха обычно приводят к печальному концу.

Хорошо известна поговорка: «Пришла беда — отвори ворота». По праву эта поговорка может быть отнесена к многим шахматным партиям. Замечено, что очень часто допущенная в игре ошибка вызывает у шахматиста столь подавленное настроение, что последующие «огрехи» не заставляют себя долго ждать. Возникает своеобразная цепная реакция, когда одна шахматная беда невольно содействует появлению других.

Обратимся к позиции из партии И. Кан — М. Юдович (X первенство СССР, Тбилиси, 1937 год).

Преимущество белых несомненно. Остается нанести завершающий удар по скованным тяжелой защитой фигурам противника. Проще всего решало прозаическое 1. h3, однако, увлеченный неверной идеей, И. Кан сыграл 1. c5? После очевидного оборонительного хода черных 1. ... Лbе8 белые снова допустили погрешность, ответив 2. с6? bc 3. dc Фс8! Положение на доске изменилось — у черных появились надежды на опасную контратаку. Вероятно, такой крутой поворот событий обескураживающе подействовал на И. Кана, и он допускает третью ошибку, оказавшуюся решающим голом в свои ворота: 4. Фd4? d5!

5. К : f7 Л : e4 6. Л : e4 Л : e4 7. Ф : d5 Ле8, и белым впору сдаваться, так как гибнет их конь. М. Юдович точно реализовал перевес и быстро добился победы.

Кажется непостижимым, как мог первоклассный мастер последовательно, шаг за шагом рушить устой своей позиции. Искать объяснение в изъянах теоретической подготовки, знаний тут просто смешно.

Наверное, И. Кан, как часто многие из нас, шахматистов, вернувшись домой после тура, схватился за голову со словами: «Как умудрился я так сыграть?»

Думаю, что причины здесь, главным образом, психологические. От особенностей характера и темперамента человека зависит то, как он поступит в критический момент, — опустит ли руки, отдаваясь на волю волн, или соберет силы на борьбу. Ведь нередко первая ошибка еще поправима — надо лишь найти смелость признаться в допущенном промахе. Но этой-то смелости часто не хватает. Хотя шахматист и начинает понимать, что сделал неверный ход, но подсознательно он заглушает в себе голос разума. Ложное самолюбие, нежелание расписаться в своем неумении приводит к упорствованию в заблуждении. Партия продолжает идти по неправильному пути и заканчивается плачевно.

Воля человека, его объективность — вот, пожалуй, те главные качества, без которых вовремя остановиться перед опрометчивым шагом невозможно. Когда хочется привести пример самооб-

ладания шахматиста и критического отношения к себе, в первую очередь на память приходят партии М. Ботвинника.

В полуфинале XI первенства СССР (Ленинград, 1938 год) встреча между А. Ильиным-Женевским и М. Ботвинником по дебюту сложилась неудачно для будущего чемпиона мира. После ходов: 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6 5. 0—0 Ce7 6. Le1 b5 7. Cb3 d6 8. c3 0—0 9. d3 Ka5 10. Cc2 c5 11. Kbd2 Le8 12. Kf1 черные допустили неточность, сыграв 12. ... Cf8.

С. Флор с большим пониманием раскрывает психологические моменты борьбы в дальнейшей части партии, когда М. Ботвинник, почувствовав, что совершил промах, немедленно принимает срочные «аварийные» меры: «13. Cg5 h6 14. Ch4 Kc6 15. Ke3 Ce7. Этот весьма характерный для Ботвинника ход чрезвычайно много говорит о нем! Всегда относящийся к себе критически, Ботвинник понял, что на 12-м ходу сделал ошибку, и он решил ее исправить. Это говорит также о его решимости. Немногие мастера поступили бы так. Например, Эйве в одной партии с Алехиным сделал ошибку (Lf1 — e1). Двумя ходами позже он должен был защитить свою пешку f2 ходом Le1—f1, и тогда, несмотря на потерю темпов, его партия была бы вполне хороша. Однако у него не хватило мужества признать свою ошибку, и он защитил пешку f2 ходом Kd1 (что оказалось значительно слабее. — Н. К.). Ход Ботвинника красноречив!»

Как известно, сила воли воспитывается в

борьбе с трудностями, постоянным проявлением усилий. В шахматах, в частности, полезно заставлять себя бороться до исчерпания всех разумных возможностей, изыскивать шансы даже в самых тяжелых позициях.

Что значит хорошо защищаться? Это, в первую очередь, означает не поддаваться деморализующему влиянию ошибки. Есть шахматисты, силы которых не уменьшаются, а, наоборот, возрастают, когда им приходится обороняться. Искусство защиты В. Корчного, Р. Холмова, Л. Полугаевского, Г. Иливицкого и других объясняется прежде всего тем, что они сохраняют силу духа в самые тяжелые моменты партии.

ВАЖНЫЕ МЕЛОЧИ

Мы уже говорили о некоторых типичных ошибках и психологической подоплеке этих издержек мышления шахматиста. Поскольку отмеченный брак создается не какой-то сверхъестественной силой, а собственной рукой, или, вернее сказать, головой, то не лишним будет понаблюдать и за манерой поведения шахматиста в период турнирной борьбы.

Нам могут возразить: так ли уж это важно? Не будет ли мнение, основанное главным образом на чисто внешних впечатлениях, поверхностным или даже ошибочным?

Отвечая на реплики, заметим, что, естественно, наружный осмотр не всегда дает исчерпыва-

ющий диагноз. Но и он говорит о многом. Поведение шахматиста, его «рабочий почерк», привычки иногда могут больше поведать о причинах неудач, чем кропотливый анализ позиций и вариантов. Часто эти, на первый взгляд, бесхитростные мелочи оказываются теми таинственными рычагами, которые то помогают лучшей работе мысли, то, наоборот, вызывают более быстрое утомление и повышают нервозность.

Вот, к примеру, старая проблема: сидеть ли всю партию, не отрываясь от доски, или время от времени отвлекаться при ходе партнера. Известно, что М. Ботвинник во многих турнирах играл, не вставая со стула все пять часов, даже во время хода противника обдумывая возможные варианты. Поэтому тренеры и наставники внушали своим подопечным: «Берите пример с Ботвинника. Не гуляйте при ходе противника, думайте». В последние годы, к изумлению шахматных менторов, сам М. Ботвинник не выдержал и стал гулять по турнирному залу. Однако правило «играйте и не вставайте» еще не потеряло своих поклонников.

Что же можно сказать по этому поводу? Каждый из шахматистов отличается особенностями темперамента и другими психофизиологическими качествами, так что выводить какой-то обязательный для всех рецепт было бы неправильно. Но все же некоторые общие соображения высказать можно.

Известно, что способности человека к длительной устойчивости и концентрации внимания огра-

ниченны. Нельзя требовать, чтобы работа мышления за шахматной доской проходила эффективно все пять часов. Сравним два основных момента работы шахматиста во время партии: вот вы обдумываете свой ход, взвешиваете многочисленные за и против, перед тем как принять решение. Вся ваша воля, эмоции стремятся активизировать мысль. Вы углубляетесь в положение на доске, и порой все вокруг происходящее исчезает. Рассказывают, как на одном из турниров с грохотом упал и разбился графин с водой. Многие присутствующие вздрогнули, лишь англичанин А. Берн невозмутимо смотрел на доску. Позднее он сказал, что ничего не слышал. Но дело не только в исключительной способности А. Берна к отрешенности от всего во время обдумывания. В какой-то степени такая углубленность характеризует весь клан шахматистов.

Иное содержание мыслительного процесса при ожидании хода партнера, особенно в позиции с большим выбором примерно равноценных продолжений. В этом случае мысль относительно пассивна, ибо отсутствует тот мобилизующий волевой импульс, который несет сделанный соперником ход. Мы гадаем о возможном ответе противника, и такое состояние, как и всякая жизненная неопределенность, угнетает и волнует. Да и усталость напряженное ожидание не снимает, а, как говорится, совсем наоборот!

Привожу высказывания, сделанные моими учениками, юными шахматистами первого разряда, которым я предложил сыграть несколько партий

с обязательным условием — использовать для обдумывания время партнера.

А. — живой, подвижный, даже порывистый юноша, эмоционально возбудим, вспыльчив; по темпераменту вернее всего может быть отнесен к холерикам. Он быстро, горячо доказывал мне: «Так я играть не могу. Каждая партия — пытка. Я очень устал и перед контролем времени часто ошибался в расчете». Во время игры А. выглядел несчастным. Он вертелся, смотрел по сторонам, на партнера, на часы. Результат этих встреч оказался неудачным для него.

Б. — спокойный, рассудительный, малообщителен, внешне невозмутим; по его виду трудно определить, нравится ли ему позиция; может быть условно отнесен к флегматикам. Он рассказал: «Очень устал. То, что я обдумывал при ходе партнера, большой пользы не принесло. В ряде случаев я не угадывал ответа и рассматривал другие возможности, а несколько раз получилось так: рассчитываю вариант — противник делает предполагаемый ход, и при проверке выясняется, что предварительные расчеты были ошибочны. Когда же противник делал неожиданный ход, то здесь в тактическом расчете я ошибался меньше!» Б. в партиях, сыгранных по системе «играй и не вставай», добился среднего для себя результата.

Думаю, что отдых во время хода партнера полезен. Нужно постараться отвлечь внимание, как-то разрядить нервное напряжение. Не следует, однако, высказанные соображения принимать буквально. И при ходе партнера иной раз бывает

необходимо подумать. Это закономерно в цейтноте, при форсированной игре, блеснувшей мысли о непредусмотренном возражении и т. д. Все это так. Но чаще отвлечение от хода партии, разрядка вполне оправданы, ибо мы глубоко убеждены, что пятичасовое сидение за доской — не лучший способ повышения внимания.

Еще трудно делать окончательные выводы, но, по-видимому, и запрет свободы передвижения шахматиста может быть безболезненно снят.

Часто можно наблюдать, как участники, свободные во время хода противника, гуляют, рассматривают позиции на соседних досках или обмениваются шутивными замечаниями. Кстати, разговоры о своей партии редки. Правда, иногда слышится взволнованный вопрос: «Ну, как моя позиция?» Но это скорее вопрос к самому себе, а не к собеседнику, так как спрашивающий не ждет ответа. Этим нарушением правил порой грешат такие именитые гроссмейстеры, как М. Найдорф и М. Тайманов. Даже строгие судьи смотрят на такое поведение довольно благодушно, понимая, что впечатлительный шахматист старается лишь успокоить себя.

В зависимости от характера шахматисты отдыхают во время партии по-разному. Аккуратный Г. Лисицын обычно отходит куда-нибудь в уголок и доброжелательно посматривает в зрительный зал, а методичный В. Смыслов энергично шагает вдоль столиков. Более экспансивные М. Таль и М. Тайманов чуть ли не «рысью» обе-

гают все партии; они, как правило, в курсе дел на соседних досках.

Несмотря на разницу поведения в считанные минуты своеобразного отдыха на поле боя, мне удалось заметить то общее, что, кажется, объединяет большинство играющих. Это — несколько односторонний способ переключения их внимания. Шахматист в эти моменты может сам завязать разговор, но не любит слушать других. Он может сам заинтересоваться каким-нибудь положением, но с меньшей охотой рассматривает его, если кто-то указал на эту позицию. На первенстве РСФСР в Казани в 1964 году Р. Нежметдинов жаловался мне на одного из болельщиков, который затеял с ним посторонний разговор и этим спутал ход его мыслей. Действительно, он тотчас же допустил грубую ошибку в важной партии с В. Дорошкевичем из последнего тура чемпионата. Но Р. Нежметдинов тогда не вспоминал, что незадолго до этого он сам охотно рассказывал свободным от игры участникам шуточные истории.

По всей вероятности, переключение внимания в подобных случаях проходит постепенно и очень «заботливо» по отношению к главному, доминирующему очагу возбуждения — мыслям о партии. А энергичное постороннее вторжение (как было с болельщиком в Казани) действует на напряженный до предела, особенно чувствительный в эти моменты нервный аппарат шахматиста, как выстрел из-за угла.

Работоспособность шахматиста за партией

зависит не только от разумного использования для отдыха коротких пауз при ходе партнера, но определяется и другими обстоятельствами. Ведь как ни отдыхай, а в конце тура утомления не избежать!

По аналогии с другими видами умственного труда шахматную партию можно разделить на следующие периоды: 1) вработываемости, 2) наилучшей работоспособности, 3) спада, вызываемого утомлением.

Для сравнения отправимся... на аэродром и понаблюдаем за работой диспетчера. Если мы будем терпеливы и с помощью приборов длительное время будем исследовать ритм труда хозяина посадочных площадок, то заметим, что максимальная работоспособность появляется у нашего испытуемого не сразу, а спустя примерно десять-пятнадцать минут после начала смены.

Чем это объясняется? Ведь вряд ли еще можно говорить о каком-либо утомлении.

Исследования И. П. Павлова показали, что переход от одной деятельности к другой психологически труден для человека. Не сразу, не вдруг, а постепенно он, его мысли и чувства принаравливаются к ритму даже хорошо знакомой ему работы.

Диспетчеру, так же как и шахматисту, нужно время, чтобы перестроиться на рабочий лад, снять, например, те впечатления, которые сопровождали его на пути к аэропорту или турнирному залу. В авиации и многих других областях трудовой деятельности это обстоятельство учи-

тывается. Так, диспетчер первые десять минут часто работает вместе с коллегой из предшествующей смены. А в шахматах о периоде вработываемости вспоминают редко. Порой корреспонденты сообщают, что М. Ботвинник остался верен своей привычке — опять появился в помещении для игры за пятнадцать минут до начала тура. И только... Комментариев не бывает.

А задуматься над удивительным постоянством экс-чемпиона мира стоило бы. Ведь далеко не случайно, а совершенно сознательно он увеличивает свой турнирный день на несколько минут. Придя заранее, он освобождается от посторонних мыслей, настраивается на предстоящий бой и с ударом гонга выходит на шахматный ринг в полной боевой готовности.

Видимо, М. Ботвинник давно понял положительное значение этого фактора. К сожалению, подобный пример чуть ли не исключение. Куда чаще можно видеть, как за секунду перед началом тура, а то и немного запоздав, у столика появляется запыхавшийся мастер. Несколько минут он приходит в себя, вникает в партию и тем самым безжалостно транжирит так бы пригодившееся впоследствии время.

А путешествие в турнирный зал! Немало участников предпочитают автобус, такси и прочий транспорт пешей прогулке. И, на наш взгляд, совершенно напрасно.

Обычно я стараюсь гулять перед партией минут 20—30, выбирая для этого тихие, спокойные улицы. При таком маршруте мне бывает легко

сосредоточиться или, при желании, отвлечься от шахматных дум.

Видимо, интенсивная психическая нагрузка противопоказана перед партией. И шахматисты инстинктивно это чувствуют и в меру своих сил борются с различными сильными отвлечениями. Так, без всякого восторга встречают они фотографирование и телесъемки перед туром. «Когда меня фотографируют, я всегда проигрываю», — жаловался С. Тартаковер. Это не надо считать капризом гроссмейстера. На него, человека очень возбудимого, импульсивного, все посторонние факторы действовали особенно ощутимо.

Волнуют, особенно в начале партии, и некоторые другие внешние моменты: новое турнирное помещение, необычная форма шахматных фигур, часов и т. д. К таким сюрпризам приходится приспособливаться. Это совсем не безобидные пустяки, так как они все вместе серьезно влияют на психологическую настройку шахматиста.

Продолжая тему о рабочих периодах партии, хочется сказать еще об одной «мелочи» — надо ли быстро играть в дебюте?

Многие шахматисты, разыгрывая хорошо известный им вариант, делают ходы молниеносно. Бывает так, что в спешке еле успевают даже нажимать на кнопки часов. Я не поклонник подобного метода. Мне могут сказать: почему же вы против? Разве таким образом не экономится время? Против этого возражать трудно, но все же попробую, призвав на помощь гроссмейстера И. Болеславского. Кому не известно, что в его

партиях чигоринская система испанского дебюта встречалась, пожалуй, сотни раз. Но я еще никогда не видел, чтобы И. Болеславский делал в темпе блица даже первые ходы. И это не от медлительности. Неоднократно я наблюдал, как превосходно проводит минский гроссмейстер молниеносные партии. Объяснение другое — быстрые дебютные ходы могут по инерции вызвать поспешную игру там, где борьба требует продуманных решений. На серьезную игру нужно настроиться, подготовиться к ней, пройти период вработываемости, а излишняя торопливость создает своеобразное «пожарное» настроение не только на дебют, но и на последующую часть партии. Бесчисленное количество «зевков» было допущено как раз в тот момент, когда заканчивался быстро разыгранный дебютный вариант и предстояло сделать первый «самостоятельный» ход.

Да, сила инерции велика и в шахматах.

Как часто шахматист, поддаваясь все ускоряющемуся ритму борьбы, сводил насмарку самые обещающие позиции. Особенно печальную славу стяжала инерция при откладывании партий. У кого не бывало, когда почти в выигранном положении желание скорее заполучить очко приводило к неоправданной спешке. В результате партия все же откладывалась, и при домашнем анализе оставалось предаваться лишь запоздалым сожалениям по поводу испорченной позиции.

Обычно период наилучшей работоспособности длится до исхода третьего часа игры. Потом утомление заявляет о себе все сильнее и сильнее. Ра-

зумеется, приведенная здесь цифра условна. Учитывать различия в возрасте и физической подготовке необходимо. Каждый опытный шахматист хорошо знает свой «трудный» час и старается принять спасительные меры. Строгий самоконтроль, верная оценка того, на что способен в данный момент, — очень важное качество. Это тот здравый смысл, без которого не найти пути к большому успеху.

Как-то на удивление всем один именитый гроссмейстер предложил ничью, имея лишнюю пешку. На вопрос партнера о причинах такой благотворительности он ответил, что устал и в мыслительном расчете вариантов даже зевнул ферзя. «От подобного мнимого просмотра до настоящего один шаг», — закончил гроссмейстер свою мысль. И его трудно критиковать — он лучше других понимал, насколько хватит у него сил.

С легкой руки М. Ботвинника широкое распространение получило «дополнительное питание» на четвертом часу игры. Много лет экс-чемпион мира интриговал шахматную общественность таинственной бутылочкой, с которой он регулярно приходил на игру. В конце концов выяснилось, что это напиток, содержащий глюкозу и другие полезные для работы мозга компоненты. Впрочем, сейчас М. Ботвинник перешел на кофе. Но факт остается фактом: витамины, кофе, глюкоза получили права шахматного гражданства не случайно.

Самоконтроль нужен не только для борьбы с утомлением, он является верным помощником

каждого решения за шахматной доской. Возьмем, например, один шахматный ход. Ведь недаром бытует мудрая истина, что ход надо делать в четыре такта: обдумать, записать, проверить и, наконец, передвинуть фигуру.

Кстати, о записи хода. Я заметил, что большинство гроссмейстеров пишет партию полной нотацией. В бланках редко найдешь стремительный значок 1. e4 — чаще обнаружишь старательно выведенное 1. e2 — e4. Я долго приглядывался к этому таннству и в конце концов, когда конгресс ФИДЕ зачислил меня в гроссмейстеры, тоже решил перейти на развернутую запись. Сейчас некоторый письменный опыт у меня уже есть. Хочу отметить, что известный смысл в этом имеется: во-первых, дополнительный контроль — дольше пишешь, лучше проверяешь, во-вторых, тратя на запись две-три секунды вместо одной, невольно отвлекаешься от волнующих в этот момент переживаний, как-то успокаиваешься. В общем, мне это новшество пришлось по вкусу.

И вам, читатель, тоже советую попробовать, даже не дожидаясь конгресса Международной шахматной федерации.

Надеюсь, не пожалеете!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ГЛАВА I.	
Познай самого себя	7
Под рентгеновским лучом	24
Психологическая дуэль	45
ГЛАВА II.	
О чувствах спорят!	67
Когда не хватает информации	70
Цейтнот	84
О турнирной тактике	100
Хочу ничью!	102
Нужно выиграть!	109
О поражениях	124
ГЛАВА III.	
Ошибаться свойственно шахматисту	134
Заколдованные поля	139
На два фронта	147
Цепная реакция	155
Важные мелочи	159

Николай Владимирович Крогиус**ЧЕЛОВЕК В ШАХМАТАХ**

Редактор **В. Панов**. Обложка **Н. Глинского**.
Художественный редактор **П. Карчевский**. Технический редактор **Е. Черняк**. Корректор **И. Горшенина**.

ИГ80449. Сдано в набор 31.X.1966 г.
Подп. к печ. 27.II.1967 г. Бумага
70×108 1/32 типографская № 2.
Усл.-печ. л. 7,36. Уч.-изд. л. 6,85.
Тираж 15 000. Приволжское книжное издательство. Саратов, Вольская, 81. Заказ 4864. Типография № 1 Областного управления по печати. Цена 21 коп.

21 к.

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1967